

Закончили свои работы всеоюзное совещание председателей оргкомитетов. Совещание было кратким, предварительным, в порядке подготовки к съезду. Но даже это небольшое совещание, посвященное прежде всего организационным вопросам, отчетливо выявило, какие значительные изменения мы имеем в области культуры страны Советов за последние годы, как меняется самый характер литературного дела бывшего в прошлом привилегий небольшой группы избранных.

Литература становится непосредственным делом миллионов. Это уже не только лозунг, даже не только тенденция, это уже на сегодняшний день — факт. Оживившаяся подготовка к съезду вводит массовое литературное движение в более организованный русло, придает ему более отчетливые формы.

По всему Союзу проходит волна массовых читательских конференций. Проведены уже десятки таких конференций, непосредственных встреч писателей и читателей в Москве, Харькове, Ленинграде, Свердловске, в Армении и Сибири, Западной области и Мордовской.

Знаменательнейшим фактом являются собрания партийных активистов, посвященных вопросам литературы. Такие активы с большим успехом проведены на днях в Бауманском районе Москвы и в Иваново-Вознесенске. Это были не партийные собрания, а деловые встречи, на которых поставлены важнейшие вопросы советской литературы, ее задачи и перспективы.

Мы идем по пути, указанному Лениным. Литература действительно становится в огромном масштабе частью общепролетарского дела, одной из наиболее важных частей.

Разве это не ярчайший показатель гигантских шагов культурной революции, огромного роста культурного уровня масс, их культурных потребностей?

Массовое литературное движение развилось не только в городах и крупных промышленных центрах, оно проникает и в глухие углы Союза.

Делегаты совещания мимоходом рассказали о десятках фактов, полных глубочайшего значения, и только еще еше плохой работой аппарата всеоюзного Оргкомитета, плохой связью «Литгазеты» с местами можно объяснить то, что мы об этих фактах до сих пор почти ничего не знаем.

В Западной Сибири, в селе Троицком работает столь активный литкружок, что даже выпустил свою литературную газету. Работа этого кружка среди колхозников заслуживает специального изучения. В Ржеве (Западная область) литкружок на местном кожевенном заводе так окреп, что объявил заводской конкурс на лучший рассказ.

Огромный рост литературы народов СССР, часто таких народов, которых только Октябрьская революция подняла на первые ступени письменной культуры. Интереснейшие данные сообщают, например, на совещании т. Иракчаев о Мордовской литературе. Только в 1922 году вышла первая газета на мордовском языке. О художественной литературе, разумеется, не было раньше и речи. Теперь мордовская литература насчитывает 30 художественных сборников, два постоянных журнала. Создана научная грамматика, в ГИИЛ печатается мордовский роман в трех частях.

Этот необычайный культурный рост находится в прямой связи с общим процессом социалистического строительства в образовывающейся стране Советов. Тов. Лахути в своей образной речи замечательно показал на примере Таджикистана эти связи экономики, политики и культуры. «Там, где раньше мог летать только орел и могла ползать змея, там строятся МТС и летают аэропланы».

Значительная литература создается не только в республиках внутри самой республики, в частности в РСФСР, растет и крепнет литература областная. Вместе с возникновением новых гигантских промышленных центров (Урал, Кузбасс), вместе с коллективизацией сельского хозяйства, калашура начало уничтожению противоположности между городом и деревней, должны возникнуть новые мощные культурные центры. Мы имеем уже сотни новых вузов на периферии, научно-исследовательских институтов, клубов, театров. Крупнейшим недостатком руководящих литературных организаций является то, что до самого последнего времени они почти ничего не сделали для областной литературы. Об интересном журнале «Сибирские огни», существующем много лет и выдвигнувшем ряд писателей общесоюзного значения, читатель узнал только от Горького, бывшего в то время в Италии. Тов. Горький с большим вниманием следит за литературой периферии и с исключительной и чуткостью откликается на ее нужды. «С большой радостью узнал,

что в Иркутске затевается издание журнала «Будущая Сибирь». Это совершенно необходимо и своевременное дело. Более своевременное, что оно несколько запоздало, как вообще у нас опаздывает родиться и развиваться областная литература».

На днях президиум Оргкомитета отметил и одобрил инициативу журнала «Октябрь», который первый вел обзор краевых журналов. До сих пор эти журналы, как и вся областная литература, оставались вне внимания критики.

Мы даем сегодня страничку, посвященную литературе Западной Сибири. Сибирская литература одна из наиболее содержательных и богатых. Надо начать, наконец, систематический обмен опытом между литературными отрядами различных советских республик и областей. Надо положить конец неслучайной изоляции, системе, по которой книги сибирских писателей никак не могут попасть на Украину или на Урал и книги уральских товарищей — в Сибирь. Тут нужен ряд организационных мероприятий, которые Оргкомитет должен провести в ближайшие же недели еще до съезда.

На недостаток внимания к областям со стороны Оргкомитета «Литгазеты» жаловались ряд делегатов, в том числе даже представи-

тели Урала. Плохо обстоит дело на Сев. Кавказе, где слабо работает Оргкомитет, где литературе мало внимания уделяют общественные организации. И в Сибири, литературе которой мы сегодня представляем читателей, работа далеко еще не развита, как следует. Западный сибирский оргкомитет не знает основательно даже те сорок кружков, которые он у себя числит.

Нельзя забывать, что рост советской литературы, рост несомненный и обнадороживающий, происходит в условиях классовых бурь, обостряющейся в настоящее время на том или ином участке.

Враг не упускает случая, чтобы пробраться в любую щель, которую ему оставляет недостаточная бдительность, а иногда преступная халатность некоторых наших товарищей. Об этом на основе ряда фактов убедительно говорили на совещании оргкомитетов тт. Ставский, Кулик (Украина), Лахути, Чубарь (Армения).

Большая бдительность, решительная борьба против буржуазно-националистических влияний в литературе — в какой бы форме они ни проявлялись, за настоятельную необходимость работы по расширению и углублению советской литературы, литературы миллионов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Оргкомитета Союза Советских Писателей СССР и РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багрицкого, С. Динамова, М. Коцюба, В. Лидина, А. Селивановского, М. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Успенко.

ЦЕНА 20 КОП.

23

ИЮЛЯ 1933

34 (262)

Соединенными силами — к братской связи всех отрядов советской литературы!

НА ВСЕОУЗНОМ СОВЕЩАНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ОРГКОМИТЕТОВ

16 июля открылось всеоюзное совещание оргкомитетов СССР. С докладом об организации съезда и его задачах выступил т. Фадеев.

«Наш всеоюзный съезд будет иметь огромное политическое и международное значение», — говорит т. Фадеев.

Впервые литераторы всех национальностей, населяющих Советский Союз, соберутся на съезд и выскажут свое отношение к проблемам, стоящим перед всем международным революционным движением и нашей страной.

Другая задача нашего съезда заключается в том, что он должен поднять всю советскую литературу на еще более высокую ступень и помочь решить самые основные задачи, вплотную стоящие перед нашей литературой в период второй пятилетки.

Но кроме этого съезд будет съездом литераторов, т. е. таким, на котором мы, советские писатели различных национальностей, должны будем подойти к разрешению художественных проблем в нашей литературе.

Отсюда ясно, какое гигантское значение, не только литературное, но и политическое будет иметь наш съезд.

Все это обязывает нас к тому, чтобы съезд явился не только узко литературным делом, но делом всего рабочего класса.

Съезд писателей должен будет в значительной мере освежить и расширить нашу литературную среду и сокрушить литературную общность с общественностью пролетариата. Наши писатели должны пойти на социалистическую стройку не только как люди, отражающие эту стройку и тем способствующие ей, но и как сознательные и активные участники социалистического строительства.

Недавно в «Литгазете» опубликована статья А. М. Горького «О чужбке и чужбине». Эта статья с предельной силой вскрывает целый ряд недостатков, свойственных нашей литературной среде. Основная мысль Алексея Максимовича, которая заключается в том, чтобы сделать наших писателей ответственными не только за свое литературное дело, но и за все дело строительства социализма в стране, является также и нашей мыслью.

Съезд должен будет обудить огромные требования, поставленные статьей Горького, которые являются не чем иным, как требованиями нашей живой действительности. Для подготовки к съезду мы должны мобилизовать всю широкую пролетарскую общественность с тем, чтобы наш съезд работал под ее неслышим контролем.

Первое и основное, чего мы должны добиться, — это сокрушить свою подготовку к съезду по под-

готовке в Иркутске затевается издание журнала «Будущая Сибирь». Это совершенно необходимо и своевременное дело. Более своевременное, что оно несколько запоздало, как вообще у нас опаздывает родиться и развиваться областная литература».

На днях президиум Оргкомитета отметил и одобрил инициативу журнала «Октябрь», который первый вел обзор краевых журналов. До сих пор эти журналы, как и вся областная литература, оставались вне внимания критики.

Мы даем сегодня страничку, посвященную литературе Западной Сибири. Сибирская литература одна из наиболее содержательных и богатых. Надо начать, наконец, систематический обмен опытом между литературными отрядами различных советских республик и областей. Надо положить конец неслучайной изоляции, системе, по которой книги сибирских писателей никак не могут попасть на Украину или на Урал и книги уральских товарищей — в Сибирь. Тут нужен ряд организационных мероприятий, которые Оргкомитет должен провести в ближайшие же недели еще до съезда.

На недостаток внимания к областям со стороны Оргкомитета «Литгазеты» жаловались ряд делегатов, в том числе даже представи-

тели Урала. Плохо обстоит дело на Сев. Кавказе, где слабо работает Оргкомитет, где литературе мало внимания уделяют общественные организации. И в Сибири, литературе которой мы сегодня представляем читателей, работа далеко еще не развита, как следует. Западный сибирский оргкомитет не знает основательно даже те сорок кружков, которые он у себя числит.

Нельзя забывать, что рост советской литературы, рост несомненный и обнадороживающий, происходит в условиях классовых бурь, обостряющейся в настоящее время на том или ином участке.

Враг не упускает случая, чтобы пробраться в любую щель, которую ему оставляет недостаточная бдительность, а иногда преступная халатность некоторых наших товарищей. Об этом на основе ряда фактов убедительно говорили на совещании оргкомитетов тт. Ставский, Кулик (Украина), Лахути, Чубарь (Армения).

Большая бдительность, решительная борьба против буржуазно-националистических влияний в литературе — в какой бы форме они ни проявлялись, за настоятельную необходимость работы по расширению и углублению советской литературы, литературы миллионов.

Враг не упускает случая, чтобы пробраться в любую щель, которую ему оставляет недостаточная бдительность, а иногда преступная халатность некоторых наших товарищей. Об этом на основе ряда фактов убедительно говорили на совещании оргкомитетов тт. Ставский, Кулик (Украина), Лахути, Чубарь (Армения).

Большая бдительность, решительная борьба против буржуазно-националистических влияний в литературе — в какой бы форме они ни проявлялись, за настоятельную необходимость работы по расширению и углублению советской литературы, литературы миллионов.

Враг не упускает случая, чтобы пробраться в любую щель, которую ему оставляет недостаточная бдительность, а иногда преступная халатность некоторых наших товарищей. Об этом на основе ряда фактов убедительно говорили на совещании оргкомитетов тт. Ставский, Кулик (Украина), Лахути, Чубарь (Армения).

товкой партийных организаций профессиональных, общественных, научных и других областей искусства. В Москве уже начались посвященные съезду широкие читательско-библиотечные конференции, читательские группы, библиотечные вечера, библиотечные выставки. Эти мероприятия нужно провести повсеместно.

Нам необходимо прийти на съезд, твердо зная, что говорит о советской литературе наш советский читатель, где бы он ни находился — на фабриках и заводах, в колхозах и шахтах. Нужно организовать выходы писательских бригад из центра в отдельные национальные республики и области и обратно — из нацреспублик во всеобщие центры.

Попутно уже сейчас можно широко поставить вопрос относительно систематического изучения писательского ряда колхозов и новостроек путем включения их в работу этих предприятий. Почему бы в Москве, например, не организовать писательский ряд колхозов в районе Метрополитана, в Горьковском крае — на автозаводе, в Харькове — на ХТЗ и т. д. Подобно на крупных предприятиях, ознакомившись с работой колхозов, писатель придет на съезд совсем с другим запасом знаний, с другим настроением, не таким, какое у него бывает в узко литературном кругу. Каждый участник бригады будет отчитываться в своей работе перед широкой аудиторией рабочих и крестьян на местах; в обсуждении его работы примет участие вся читательская масса, все рабочие и колхозники.

Что же касается непосредственного отношения к нашей литературной работе, то здесь необходимо добиться, чтобы все наши писатели ощущали этот съезд как свой съезд, в котором кровно заинтересован был бы каждый писатель.

Съезд должен неизмеримо повысить общественную творческую активность самих писателей. Он должен вызвать большее оживление во всей нашей литературе, в основном уже ожившейся от торжественной ее разницы групповщины.

К съезду мы должны выпустить дискуссионный сборник с материалами, посвященными творческой дискуссии. Мы призываем всех товарищей к тому, чтобы они у себя на местах выпустили такие дискуссионные сборники. На съезде мы организуем секции по вопросам поэзии, прозы, критики, детской литературы, драматургии. На наш съезд мы пригласим ряд близких нам революционных писателей из за границы. К нам будет привлекать внимание коммунистических партий и всего революционного, что имеется на Западе, в Америке, Китае и Японии. Наш съезд мы должны провести в духе подлинной ин-

тернациональной солидарности, в духе укрепления наших связей и расширения их.

В предисловии к докладу т. Фадеева приняты участие тт. Симен (ВЛКСМ), Кузнецов (Марийская область), Иракчаев (Мордовия), Каганевич (История гражданской войны), Чубарь (Армения), Астахов (Урал), Саурян (Оргкомитет), Завьялов (Западная область), Димитриев (завод № 39), Капнер (Ленинград), Гафаров (Крым), Гроссман (горнокислотный), Муратов (Горьковский край), Осмаков, Алешин (Ивановская область), Шапировский (ЦБ писателей), Морозов (Средняя Волга), Ломтадзе, Якола (Карелия), Мещеряков («Советская энциклопедия»), Яноби (Башкирия), Чарный («Литгазета»), Кац (Северный Кавказ), Соболев (профиздат), Магидов (ЦК печатников), Ганичев (Северный край), Бройде (ЦБ писателей), Алексеев (Западная Сибирь), Людкевич (МОРП), Кулик (УССР).

Выступавшие отмечали, что работа по подготовке к съезду за последний период значительно усилилась, что в ней принимают участие все более широкие слои пролетарской общественности, что массовое литературное движение на местах делает значительные успехи.

Предполагается вернуться в дальнейшем к освещению подготовки к съезду на местах (в этом номере мы даем специальную полосу о Западной Сибири), мы из-за недостатка места приведем здесь лишь в самых кратких чертах несколько выступлений.

Тов. Кузнецов осветил значительную организационную работу, проведенную в Марийской области в плане подготовки к съезду; была проведена конференция писателей, литкружковцев и представителей газет и издательств в количестве ста делегатов. Проведены специальные совещания прозаиков, поэтов, драматургов.

Тов. Иракчаев отметил, что в Мордовской области еще до 1932 года все литературное движение находилось в руках старых писателей. Лишь в последний период старые писатели перестраиваются, и подрастает новая творческая смена. В порядке обмена опытом мордовские писатели поехали в Белоруссию.

Тов. Чубарь, говоря о подготовке армянских писателей к съезду, привел интересный случай, когда беспартийный писатель Зарян, встретившись лицом к лицу с рабочим-читателем в железнодорожном депо и на текстильной фабрике, вернулся домой обновленным и заявил, что теперь он знает, о чем и как ему писать.

Тов. Астахов от имени уральского Оргкомитета считает недостаточным внимание, уделяемое всеобщим Оргкомитетом местным организациям. На Урале сейчас учтено 664 литкружковца, занимающихся в основном серьезной творческой работой.

Тов. Мещеряков обращается к совещанию и местным оргкомитетам с призывом, чтобы местные литературоведы и творческие работники приняли самое широкое участие в освещении вопросов национальных литератур в Большой, Малой и Литературной энциклопедии. Энциклопедия в нашу эпоху приобретает совершенно исключительное значение.

Окончание — см. страницу 3

**Тов. Фадеев
у литкружковцев-печатников**

Смущенно, но откровенно говорил оратор.

У нас в Гознаке шесть тысяч рабочих, но литкружка нет. — В типографии «Известий» 1.246 рабочих — литкружок не работает; в 1-й Образовой — из 3.913 печатников было кружок — 12 человек и тот распался.

Примерной оказалась лишь 7-я типография: 20 литкружковцев на 650 рабочих, регулярно выходящая литгазета. И затем литературное объединение печатников Москвы с отстоявшимся творческим активом в 17 человек.

Общий итог — на 45 тыс. московских полиграфистов только 80 литкружковцев.

Неразвитость массово-литературного движения сказалась даже в том, что общемоосковский слет литкружковцев полиграфистов, на котором с большим самокритическим докладом о своем творческом пути выступил т. Фадеев, собрал совсем малоисчисленную аудиторию.

А. Фадеев говорил о неудачах в своих ранних произведениях «Разрыв», «Против течения», противопоставляя «Разрыв», где в основу положена ясная идея о переделке человека в ходе революции. Над реализацией этой темы автор работал несколько лет, отдельные главы переделывал до 20 раз. Свой роман «Последний из узел» т. Фадеев подвергает серьезной критике, считает, что книга ни начала, ни удачно, что он теперь заново переделает первую и вторую часть, объединит их в один том. Он призвал молодежь к упорной работе.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

Монолог автор растет. Груда записок тов. Фадеева показала, как серьезно и вдумчиво подготавливаются к творчеству. Вопросы сюжета, стиля, романтизма, композиции, во взаимоотношениях идеи и материала занимают молодых авторов сейчас, в первую очередь.

ПРИЗЫВ Р. Роллана к молодежи

В связи с всемирным конгрессом молодежи против войны и фашизма, созываемым в Париже 5-6 августа, Ромен Роллан обратился со следующим призывом к молодежи: «У фашизма множество личин. Он приспосабливается к физиономии каждого народа. Но какую бы личинку он ни надевал, сущность у него всегда одна: это националистическая державность (etatisme nationaliste). Национализм — вот враг, — говорим мы. Мы видим, как призывают к войне, как зашевелились тотчас же газеты, органы генерального штаба и буржуазии, любящие бряцать оружием, наши старые знакомые по прошлой войне, те, что стоял за войной до конца. Мы не пойдем за этими людьми. Мы не забыли, что на них прежде всего лежит ответственность за гитлеровский фашизм, порожденный бредом и отчаянием народа, до крайности ожесточенного победителями. Это они всегда раздували смертельную ненависть между народами. И мы, которые отвергаем границы между нациями, сохраняем нашу ненависть для тех, кто навязывает на ненависти народов. Мы боремся не за один народ и не за наш народ. Если мы являемся защитниками СССР и боремся за него, то от того, что СССР не нация и не Россия, а союз всех советских социалистических республик мира — как нынешних так и будущих.

Объединим же народы против национал-фашизма, который изо всех сил стремится расторгнуть их союз и направить их друг на друга. Но национализм бывает разный. Некоторая часть французской молодежи, которая очень шумит о своем «реализме», проявляя им, главным образом, в честолюбивом «опортунизме», уверяет, что нас не должна интересовать внутренняя политика наших соседей и что мы должны заниматься только нашими собственными делами и протыкать себе тем, кто убивает у себя в стране свободу, протянуть руку председателю германских коммунистов, социалистам, евреев».

Мы вконец позором этот грубейший эгоизм, мнимый реализм. Нет таких расовых национальных или иных различий, которые могли бы нам помешать выступить единым фронтом. Всемирный фронт против общего врага. Горе тем, кто ставится на нашем пути. Они будут сметены. Нельзя остановить восхождение человека».

Р. Роллан призывает к молодежи: «У фашизма множество личин. Он приспосабливается к физиономии каждого народа. Но какую бы личинку он ни надевал, сущность у него всегда одна: это националистическая державность (etatisme nationaliste). Национализм — вот враг, — говорим мы. Мы видим, как призывают к войне, как зашевелились тотчас же газеты, органы генерального штаба и буржуазии, любящие бряцать оружием, наши старые знакомые по прошлой войне, те, что стоял за войной до конца. Мы не пойдем за этими людьми. Мы не забыли, что на них прежде всего лежит ответственность за гитлеровский фашизм, порожденный бредом и отчаянием народа, до крайности ожесточенного победителями. Это они всегда раздували смертельную ненависть между народами. И мы, которые отвергаем границы между нациями, сохраняем нашу ненависть для тех, кто навязывает на ненависти народов. Мы боремся не за один народ и не за наш народ. Если мы являемся защитниками СССР и боремся за него, то от того, что СССР не нация и не Россия, а союз всех советских социалистических республик мира — как нынешних так и будущих.

Объединим же народы против национал-фашизма, который изо всех сил стремится расторгнуть их союз и направить их друг на друга. Но национализм бывает разный. Некоторая часть французской молодежи, которая очень шумит о своем «реализме», проявляя им, главным образом, в честолюбивом «опортунизме», уверяет, что нас не должна интересовать внутренняя политика наших соседей и что мы должны заниматься только нашими собственными делами и протыкать себе тем, кто убивает у себя в стране свободу, протянуть руку председателю германских коммунистов, социалистам, евреев».

Мы вконец позором этот грубейший эгоизм, мнимый реализм. Нет таких расовых национальных или иных различий, которые могли бы нам помешать выступить единым фронтом. Всемирный фронт против общего врага. Горе тем, кто ставится на нашем пути. Они будут сметены. Нельзя остановить восхождение человека».

Р. Роллан призывает к молодежи: «У фашизма множество личин. Он приспосабливается к физиономии каждого народа. Но какую бы личинку он ни надевал, сущность у него всегда одна: это националистическая державность (etatisme nationaliste). Национализм — вот враг, — говорим мы. Мы видим, как призывают к войне, как зашевелились тотчас же газеты, органы генерального штаба и буржуазии, любящие бряцать оружием, наши старые знакомые по прошлой войне, те, что стоял за войной до конца. Мы не пойдем за этими людьми. Мы не забыли, что на них прежде всего лежит ответственность за гитлеровский фашизм, порожденный бредом и отчаянием народа, до крайности ожесточенного победителями. Это они всегда раздували смертельную ненависть между народами. И мы, которые отвергаем границы между нациями, сохраняем нашу ненависть для тех, кто навязывает на ненависти народов. Мы боремся не за один народ и не за наш народ. Если мы являемся защитниками СССР и боремся за него, то от того, что СССР не нация и не Россия, а союз всех советских социалистических республик мира — как нынешних так и будущих.

Объединим же народы против национал-фашизма, который изо всех сил стремится расторгнуть их союз и направить их друг на друга. Но национализм бывает разный. Некоторая часть французской молодежи, которая очень шумит о своем «реализме», проявляя им, главным образом, в честолюбивом «опортунизме», уверяет, что нас не должна интересовать внутренняя политика наших соседей и что мы должны заниматься только нашими собственными делами и протыкать себе тем, кто убивает у себя в стране свободу, протянуть руку председателю германских коммунистов, социалистам, евреев».

Мы вконец позором этот грубейший эгоизм, мнимый реализм. Нет таких расовых национальных или иных различий, которые могли бы нам помешать выступить единым фронтом. Всемирный фронт против общего врага. Горе тем, кто ставится на нашем пути. Они будут сметены. Нельзя остановить восхождение человека».

Р. Роллан призывает к молодежи: «У фашизма множество личин. Он приспосабливается к физиономии каждого народа. Но какую бы личинку он ни надевал, сущность у него всегда одна: это националистическая державность (etatisme nationaliste). Национализм — вот враг, — говорим мы. Мы видим, как призывают к войне, как зашевелились тотчас же газеты, органы генерального штаба и буржуазии, любящие бряцать оружием, наши старые знакомые по прошлой войне, те, что стоял за войной до конца. Мы не пойдем за этими людьми. Мы не забыли, что на них прежде всего лежит ответственность за гитлеровский фашизм, порожденный бредом и отчаянием народа, до крайности ожесточенного победителями. Это они всегда раздували смертельную ненависть между народами. И мы, которые отвергаем границы между нациями, сохраняем нашу ненависть для тех, кто навязывает на ненависти народов. Мы боремся не за один народ и не за наш народ. Если мы являемся защитниками СССР и боремся за него, то от того, что СССР не нация и не Россия, а союз всех советских социалистических республик мира — как нынешних так и будущих.

Объединим же народы против национал-фашизма, который изо всех сил стремится расторгнуть их союз и направить их друг на друга. Но национализм бывает разный. Некоторая часть французской молодежи, которая очень шумит о своем «реализме», проявляя им, главным образом, в честолюбивом «опортунизме», уверяет, что нас не должна интересовать внутренняя политика наших соседей и что мы должны заниматься только нашими собственными делами и протыкать себе тем, кто убивает у себя в стране свободу, протянуть руку председателю германских коммунистов, социалистам, евреев».

Мы вконец позором этот грубейший эгоизм, мнимый реализм. Нет таких расовых национальных или иных различий, которые могли бы нам помешать выступить единым фронтом. Всемирный фронт против общего врага. Горе тем, кто ставится на нашем пути. Они будут сметены. Нельзя остановить восхождение человека».

Р. Роллан призывает к молодежи: «У фашизма множество личин. Он приспосабливается к физиономии каждого народа. Но какую бы личинку он ни надевал, сущность у него всегда одна: это националистическая державность (etatisme nationaliste). Национализм — вот враг, — говорим мы. Мы видим, как призывают к войне, как зашевелились тотчас же газеты, органы генерального штаба и буржуазии, любящие бряцать оружием, наши старые знакомые по прошлой войне, те, что стоял за войной до конца. Мы не пойдем за этими людьми. Мы не забыли, что на них прежде всего лежит ответственность за гитлеровский фашизм, порожденный бредом и отчаянием народа, до крайности ожесточенного победителями. Это они всегда раздували смертельную ненависть между народами. И мы, которые отвергаем границы между нациями

Развернем еще шире дискуссию о драматургии! ДО СЪЕЗДА ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ

Ю. Юзовский

ЗАКОНЫ ДЫХАНИЯ

„МХАТОВСКИЕ СОЛОВОЙ В ТРАМЕ. — ЧТО ЖЕ ТАКОЕ „ПОТОЛОК“? — МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ СПОР, „ИНТЕРЬЕРНАЯ И ЭКСТЕРЬЕРНАЯ ДРАМАТУРГИЯ“. — „УДУШЕНИЕ ДЕЗДЕМОНЫ В ГАЗЕТЕ „КИНО“.

Произошло событие на театре. Оно затронуло в хвосте затихающего театрального сезона. Событие можно считать историческим. На покосе в МХАТ пришел Трам. Трам! Кто не помнит его воинственных филиппик против МХАТ! Его памфлет! Его декларация! Слово „МХАТ“ обозначало для трамвая — враг. И вот летом 1933 г. Трам отправился в Каноссу. Да еще как! Ликуй! Вспрыски! Он провозгласил свою капитуляцию чересчур даже восторженно. Он признался, что плохо видит дорогу. Он упрямился мхатовскую «яньку» взять его за руку.

„Варяги“ пришли. Три мастера — Судак, Хмельев, Баталов — с добросовестностью, которая их никогда не покидает. Правда, они как будто захотели компенсации за бывшие «обиды». Они не могли отказать себе в удовольствии по-отечески потрепать за уши этих дерзких «молодых людей». В «Девушках нашей страны»... поют солдаты. Старые добрые мхатовские солдаты, которые неизменно фигурировали в парадных и выступлении против МХАТ. Мы не знаем, зачем они там поют. Для «настроения» на индустриальном гиганте? Сюжетно? Тоже нет. Это просто дружеская «слабкая месть». Возможно, трамвай даже не заметил этого, а если заметил, то, сделав вид, что не видит. И решил, впрочем, что это недорогая цена.

Еще недавно трамвай не считал себя актером. Он же актер, он авловованный долащик. Он общался — «герой-кулак» или «герой-коммунист». Он не показывал кулака или коммуниста. Он боялся, как огня, «психологов», считая, что она ослабит его классовую близость. Появлялся на сцене кулак, его сопровождал зеленый цвет. Появлялся коммунист — красный цвет. Проектор соперничал с актером, диктовал ему свое слово.

МХАТ рассказывал трамваю, что такое образ героя, и показывал пути его воплощения. Объяснял, что такое мотивировка поступка, что такое задача сцены, ситуация, эпизод, сцена. Став учить великую науку связи партнеров между собой. Иными словами, начал приобщать к культуре актерского мастерства, которую трамвайцы пытались обойти так же, как профессионально драматургию. Встреча с МХАТ — это осознание большой ошибки. Это намерение успешное.

Спектакль «Девушки нашей страны» проходит в Трამе с успехом, прерывается смехом и аплодисментами зрительного зала. Минутенко хотел показать лирическую и мужественную молодость. В «Девушках нашей страны» у него это получилось лучше, чем в прежней пьесе «Светите, звезды», где затронута та же тема.

Спектакль живой. Зритель выходит из театра с улыбкой. Правда, «прохвывая» свои впечатления, он чувствует варуг какой-то осядкок... сладости, сахарности. Смутный привкус чего-то постороннего, от которого трудно избавиться. Комсомольки в спектакле почему-то варуг... напоминают... курскот. Комсомольцы... студент. А радость, с которой живет молодежь, мгновения напминает «аудеумс» леонидо-андрееских студентов. Влобленный комсомольц порой ведет себя в этом спектакле, как влобленный гимназист. А кажется, что комсомольц и влюбляется, и смущается, и заикается, и «обясняется», кажется, что «странности любви» у него имеют какой-то другой, определенно другой акцент. Обычно

трамвайский актер все себя в таких случаях, что называется, «в любовь». Сейчас он знает, что перед ним стоит психологическая задача, которую он разрешает в жесте, в мимике, в паузе. Но это не только психологическая задача, но и социальная задача. И мы бы не сказали, что социальная красота этой психологической задачи в этом спектакле всегда красная, временами она розовая, розоватая, порой чуть-чуть желтоватая.

Руководитель постановки Судак, педагоги, чресовходные актеры Хмельев и Баталов воинству раскрывают перед трамваем огромный мир творческой инициативы актера. Но пусть трамвай сохранит свое трамвайское достоинство, пусть помнит свое славное прошлое.

Сегодня нас интересует этот спектакль не сам по себе. Мы его привели как очень показательный симптом для сегодняшнего этапа в жизни театра, драматургии, кино.

Симптоматичность этого спектакля в том, что он очень выразительно подчеркивает определенную тенденцию в искусстве. Тенденцию к показу человека. Характера. Осознание того, что показ на сцене не положений и событий самих по себе обещает эти события. Осознание того, что люди на сцене не только точки приложения для силы этих событий, но и сами события, движущие событиями. В этом смысле характерен лозунг «потолок», выдвинутый Афиногеновым.

Но что такое в конце концов этот «потолок»? Можно ли понимать его двояко. «Потолок» — как стремление к интерьерности, к замкнутости, к семейности. «Потолок» — как тенденция все разнообразие действительности, новое разнообразие, новые взаимоотношения между людьми втиснуть в прокрустово ложе традиционной сюжета прошлой драматургии.

Мимологично, Валентин Катаев написал водевиль «Квадратура круга». Своих комсомольцев он поставил в такие сюжетные отношения, в которых происходило его существование герои прошлого, для которых и родилась эта форма французского водевиля. Естественно, почему эта форма (а форма — идеологическая категория) обратна воздействию, деформирующая и искажала образы катаевских комсомольцев, придавая им какой-то чужой, салонный, мещанский отпечаток. Во «Время, вперед!», тоже комедия, Катаев во-время отошел от этой формы, иначе она была бы лопнула. Он отбросил интерьерную формулу. Он пытался фиксировать отношения, как они складываются в действительности, хотя глубоко и не заглубляя в нее. Густо он дал хронику, проясненную юмором, мы ее ставим значительно выше законченной логики водевильной формулы, ибо это чуждая логика. Так вот, если понимать под «потолком» это утверждение интерьерности, все равно драматический или комедийный, — это не критическое усвоение, вернее, признание старых каноничности — такой «потолок» поддается разрушению.

Но можно ли «потолок» как дискусионный тезис, как форму протеста против штампованного изготовления героя. Против того, что герои сплошь да рядом лишены индивидуальности, обычной теплоты, свойственной человеческому телу, углубленной характерности, заменяемой часто митинговым стандартом жеста и «индустриальными шумами». В этом смысле «потолок» понятен. Но об этом нужно точно договориться.

Спор, когда один утверждает:

«Нужно мыслить характерами», а другим: «Нужно мыслить положе- ниями», ложен в своей основе, хотя и очень показателен. «Художник мыслит идеями, выраженными образами». Это значит, диалекти- ческий связь характеров и положе- ний, а не метафизическая филосо- фия «характеров» либо «положе- ний». Первое приводит к так назы- ваемому «психологизму», к само- довлеющему психологизму. Второе — к лобовой фактографии, к эм- пиризму. Примеры известны.

«Положения», если забыть их те- атрально-квалификацию, нужно понимать как социальные положе- ния героев в жизни. А эти положе- ния совершенно иные, чем в прошлой жизни, а следовательно, и в прошлой драме. Но беда в том, что у нас показывались сами эти положения, сами эти события на заводе, в колхозе, в учреждении. А люди были простыми механиче- скими двигателями, личности уравни- вались. Отсюда штампы героев индустриальной и «колхозной» пьес. И тут, конечно, важно внима- ние к характерам.

Но надо ведь понять, что эти положения, т.е. новые связи, новые интересы, новые конфликты, создаваемые в социальном обществе, они-то воздействуют на характер, они дают ему иной про- филь, они, эти характеры, и созда- ют в положениях, в которые их ставит жизнь. И если схематичны- ся положения, не охотуворенные психологией людей, которые эти положения строят, то и сами характеры, отбывнутые от положе- ний, могут оказаться замкнутыми и изолированными и, наконец, искаженными. И если понимать «потолок» именно так, то этот «по- толок» воздуха для дыхания героя и зрителя не дает. В основе этого «спора метафизиков» лежит антиисторический взгляд на вещи.

Почему в самом деле сейчас затронут этот спор и в драматургии (смотри последний пленум Оргкомитета), и в кино (смотри ин- тервью дискуссии в последние номерах газеты «Кино»), и в театре (положение на фронте самодельного искусства «призыва варягов» в Трэм, движение театра Револю- ции от экспрессионизма к реализму, и в иной плоскости, но в несомненной связи, и в живописи (выставка за 15 лет) и в архитек- туре (споры о функционализме на последнем совещании в союзе архитекторов)?

Старая драма знала привычные ситуации и привычные связи между людьми и отражала их в искусстве. Советский художник был прежде всего поражен новыми ситуациями и новыми связями, каких никогда раньше не существовало. Как же быть? Брать формы старых связей и в них втискивать новое содержание? Многие так делали.

Другие шли по иному пути. На- зываемой хронологической драмой, которую лучше назвать экстерьерной, в ней художники пытались показать эти новые явления, события, положения, как они есть, образно и формально. В литературе это время бурного развития очерка. Но и здесь, и там царствовала элементарность, неглубокость, подчас более или менее интересно поданная простая регистрация событий и ситу- аций. Завоевание этих позиций имело мало важное значение для развития драмы. Художник, чувст- вующий себя неловко в старых дра- матургических традициях, захотел уйти, привыкнув, почувствовать себя дома в этом новом материале и ограничился положениями и со-

бытиями. Эти позиции уже позади. В очерке у Ставского в «Разбеге» его тенденцией к показу человека, к единству новых положений и новых характеров так же, как у Ильина в людях «СТЗ». В драматургии мы замечаем тот же процесс. Темн Погодина еще полон фактографии и эмпирическо- го оверкивания событий, в «Поэме о топоре» уже даны профили образов Степана и Анки, в «Моем друге» вырос характер — Гай.

К покое человека, — в этом звене сегодняшней драматургии. Но, что очень важно, пока человек на основании уже достигнутых резуль- татов, накопленных экстерьерной драмой. В хронологической экстерьерной драме новые связи между людьми, так сказать, зафиксиро- ваны. Сейчас нужно поднять отстаю- щую область — характер, личность, образ, но не реакционно пятиться к традиционной драме.

Афиногенов написал до полутора десятка пьес невысокого уровня. От ординарного «Машиного ва- рения» он прыгнул к высотам абстрактной философской драматургии. Влияние Афиногенова на со- ветскую драму значительно. Поло- жительные черты этого влияния выражаются в привлечении внима- ния к психологии, к личности героя, в этом смысле мы примем его выступление так же, как выступле- ние Кирилова: «Лучше дать од- ного хорошего героя, чем двадцать плохих». Но и у Афиногенова и у других гиперфокус внимания к характеру, хладнокровие и к «по- логности», тяготение к традиции, к замкнутости может вырасти в реальную опасность деформации и даже, искажения тех образов соци- алистической действительности, которые они дают.

Метафизическая опасность дискус- сии налицо. В № 31 газеты «Кино» напечатана статья А. Пятаева, в которой, наряду с верными, хоть и неподуманными до конца мыслями, есть такие положения:

«Не только определял характер героя у Шекспира, а из характера героя вытекало событие». «Пос- тупки шекспировских героев явля- ются результатом их характеров». «Характеры делают события». «Удушение Деиземоны — необхо- димость, вытекающая из характера Отелло, из той борьбы, которую этот человек вел с самим собой». Это явно идеалистическая концеп- ция.

Советский актер Папазян, на- пример, дал новое, в духе наших требований к драме, толкование Отелло. Он отталкивался не «от борьбы этого человека с самим собой», а от борьбы его с окружа- ющей средой. В знаменитом моно- логе Отелло, где он перечисляет возможные причины «назема» Деиземоны, есть такая строка:

«...Быть может, то всему причи- ной, что черен я».

Эту мысль Папазян делает опорной точкой своего изображения Отелло. Вместо семейной мелодра- мы он дает картину расового анта- гонизма. А Пятаев рекомендует све- тить эту картину до конца «борь- бы с самим собой», до психологи- чески самодовольщей «социальной замкнутости». «Душа Деиземоны», Пятаев вместе с тем «душа» Отелло как социальный образ. Чер- ез Отелло он требует соответст- венного «удушения» и сегодняшних героев. Вот где они непременно ассоциация «потолок».

Приход мхатовцев в Трэм надо всячески приветствовать: это закон- ный, это плодотворный путь. Но надо вместе с тем сказать, что те- ни от «удушения» мелькают на жи-

В бурную и смелую эпоху исто- рии — ни одна пьеса не была ни с мысли, ни бурной. Были робкие попытки по линии формы, но пьеса, раскадрованная на лоскутки, сейчас никого не удивит. И ни- какой ведущий из гурда эпизодов не сохотел одного целого. Форма эпизода так в себе богатейшие возможности, она вносит в пьесу возмущение старого театра. Тех- никские условия старого театра таковы, что дают эти секунды жизни включенные и выключенные света, мы слышим голоса театраль- ных рабочих, скрип фурока, сигна- лы помощников... Межероха чест- ве, он не скрывал эти очевидную «стайку» театра от публики... Пау- зы шли на глазах. И все-таки даже эти открытые паузы были по суще- ству шлоком спектакля, они загряз- няли образ спектакля.

Этот печальный опыт учтен, и от повального увлечения эпизодами драматургия опять перешла к кар- тинам... Является ли это реакцион- ным ходом? В наших условиях — нет. Театр вместе с пьесой всегда существует как целое. Волеи или неволеи, но до тех пор, пока нет новых театральных знаний, мы должны так приспособить нашу драму, чтобы с наибольшей полно- той вынести в зал наши мысли.

Обречая себя на подвиги, мы не забываем, что это искусство, а искусство не ограничено, а изобретает, по совести говоря, очень мало. Взяв найденные методы из прошло- го, мы нередко механически при- спосабливаем их к нашей действи- тельности. Знаем ли мы разницу между реализмом и социалистиче- ским реализмом?

Реализм существовал. Мы имеем яркие образцы реализма в мировой литературе. Мы знаем метод Баль- зака. Но что такое социалистиче- ский реализм в образах литерату- ры — этот метод до сих пор кри- тикой не учтен.

Неясность, неотточенность фор- мулировки объясняется, очевидно, тем, что мы не имеем произведений, вполне эквивалентных как смыслу, так и содержанию нашей эпохи. Вот почему пользование термином остается часто формальным пользо- ванием, остается как ярлык, при- клеиваемый к любому произведе- нию. Пьесы с типичным психоло-

• В порядке обсуждения.

цах героев этого спектакля. Они мелькают на лице Волгина из афиногеновского «Чулака». Они мелькают на лице Мауэра из кирилово- нского «Суда», в котором герой, на- более свободно дышащий, это Карл.

Можно возразить: лучше «немно- го придуриться», но живой чело- век, чем мертвец с громадными за- пасами озона. Но можно ответить, что «мертвец» — хронологиче- ский, как высказывается, находилась в историческом сие. Они начинают прорываться для плодотворной дея- тельности. А припадки «удуша» у «яньку» могут повторяться все чаще и чаще, и рискованно утвер- ждать «кто-кого».

«Законы дыхания», оказывается, социальные законы. И победит не тот, кто будет искать их только в прошлой литературе, зачарованный ее красотами. Но тот, кто, отдав ей дань, будет искать «законы дыха- ния» героев, законы новой формы в самой гуще практики социали-

стического творчества. Эта глубоко реакционная, ведущая к настоящей мистике философия» очень удобна для литератора, имеющего целью скрыть правду капитализма.

Люди, выступающие в романе, движутся по законам бессознатель- ного, превращаясь иной раз в не- что, напоминающее сонмбабу (гла- ва: «Полуденный сон»). Жюль Ромэн очень реально изоб- ражает кустов своих героев, об- ставку квартиры для свиданий у Шенсона или обода у Сен-Пауля, но связи людей с действительностью представлены всегда так при- зрочно, что реальная по деталям живописи Жюль Ромэна оказывается весьма далекой от реализма. Это касается и трактовки отдельных фи- гур и в особенности понимания все- го хода событий, воспроизводимых в романе.

Перед нами совершенно мажорная в смысле борьбы с материальным ведем. Надо видеть, как через эти особенности «творческого метода» раскрывается лакирующая, фальши- фицирующая природа всего произ- ведения. Автор, опираясь на Фрейд, Бергсона и других мыслителей современной буржуазии, склонен видеть в своей работе не только черты «научности», но и опыт исклю- чительно важного «обновления» искусства. Бальзак с его здоровой, трезвой, материалистической мане- ры кажется рафинированному де- каденту устаревшим, несовершен- ным художником.

Жюль Ромэн выступает как «но- ватор» в области построения рома- на. Нет единой основной линии сю- жета. Нет закономерности возник-новения отдельных моментов. Все течет стихийно. Множество челове- ческих историй, пересекающихся друг с другом, множество событий, наплавляющих одно на другое. Ха- рактерно, что литератор буржуаз- ного декаданса видит в этом сле- дствие творческого метода «случай- ности и стихийности» путь к «осо- бому» и «совершенному» изоб- ражению жизни, «как она есть».

Ромэн расспысывается на множество глав, объединенных так, что обна- жен характер произведений, рафини- рованного, дряблого и уплодного. Автор, настолько застенчивый в социальном смысле, что ни одного противоречия капиталистического общества не астроном, ни одним

ческим уклоном, пьесы написанно советского жанра, пьесы, бытосно- ные приемы старой и современ- ной французской драматургии, вы- даются авторами и нередко прини- маются критикой как произведения социалистического реализма. Один Вишневский является революцион- ным романтизмом, но если бы он классическим социалистическим реали- змом, различия мы бы не заметили. Ведь не раскадровка же пьесы на эпизоды «а яньские» ремарки со- здают эту разницу. Афиногенов — безусловно, опытный и хороший драматург. На весеннем пленуме Оргкомитета, призывая Шекспира в образцы, он свои выпады свел к требованию настоящего натурали- стического потолка... Он заявил примерно так, что в предисловии к своей пьесе он будет просить режиссеров ставить его пьесу не- непременно с физическим, т.е. види- мым потолком... Этот замыкающий пространство потолок, этот сугубо- вый натурализм, конечно, не явля- ется социалистическим реализмом Шекспира, как известно, в себе ха- рактеризует самозамыкание. В наши дни в особенно- сти. Творческим лозунгом нашего дня должно быть взаимо- действие литературных жанров. Драматургия должна принести свою любовь к театру, а беллетристика любовь к слову.

Конечно, все эти параллели дей- ствительности, когда они проводятся к писателям, стоящим в одном ря- ду. Нельзя взять трепетостепенного писателя, работающего многообрази- ем, и возвысить его за счет коли- чества его жанров. Писатель может не с одинаковым блеском владеть всеми жанрами, это зависит от его таланта. Пушкин дал «Бориса», Баратынский не мог Лермонтов на- писать «Маскарад», Тютчев не мог. Мне скажут: а Мольер, а Шекспир? Они — поэты.

О языке пьес. Единичные хорошие спектакли еще не создают театра. Так же как отдельные хорошие книги не со- здают еще хорошей литературы. Я пробовав читать пьесы так назы- ваемого середняка, т.е. обычного «холодовой» репертуар. Плохо пи- шут. Суконный, в лучшем случае грамматический, внешне выложен- ный язык, не овлаженный жизнью... А ведь образ актера не только он действует на сцене, но и как он говорит об этом. В языке пер- сонажа таится всегда характери- стика.

Что же на практике? Прочитайшь десять пьес десяти авторов,—и как будто все эти пьесы написаны одним лицом. Это лицо приблизительно не знает, что такое сцена, какие эффекты любит актерство, какие требования предъявляет режиссер, что привлекателен директор, со- циальная тематический план театра, что не вызывает сомнения ни в одном репертоке. Но в пьесе этого автора нет самого главного — мысли о зрители. Зритель лежит видеть на сцене превращенную в образ жизни, любит это здоровой любовью реалиста, практика жизни. И никакая фабула, никакая острота отдельных трюков не спа- сает пьесы, если театральная ауди- тория почувствует в ней примитив- ную тенденцию, головную выдумку и нищий, бедный язык. Работа пи- сателей по овладению техникой драматургии и драматургов по овла- дению словом повиснет качествен- ный уровень драматургии и создаст большие произведения.

Ленинград. 14 июля 1933 г.

РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУР- НОЙ ГАЗЕТЫ» (Москва, 1, Таверского бульвар, 25) просит читателей художественной ли- тературы — рабочих, колхозни- ков, красноармейцев, работни- ков МТС и совхозов, а также работников просвещения и культуры, науки и техники — присылать свои отзывы о про- читанных романах, повестях, рассказах, пьесах и поэтических произведениях для освещения в «Литгазете» читательских инте- ресов и требований.

Ив. Анисимов

Тщетный пафос

Жюль Ромэн предпринял гран- диозную попытку написать произ- ведение, соперничающее с «Чело- вечкой» комедией Бальзака и «Ру- гов-Макарами» Золя. Современный буржуазный литератор не отлича- ется изысканной скромностью — он считает Бальзака устаревшим и при- нципиально ставит своей целью создать произведение, в сравнении с которым книги классиков буржу- азного реализма окажутся схемати- ческими и поверженными.

Жюль Ромэн — талантливый, культурный и ярый художник, в расцвете сил. Конечно, он не гени- альный мастер, подобно Бальзаку, но не только потому его большие намерения не могли осуществиться. Искусство Жюль Ромэна навсвою пропитано испарениями загнавшего его капитализма, — мертвые силы с Бальзаком не может такой литератор. Неизбежно претензиоз- ной оказывается его попытка. И новый роман Жюль Ромэна войдет в историю как свидетельство кру- шения надежд на большое буржу- азное искусство в эпоху, когда ка- питализм идет к гибели.

Жюль Ромэн стремится к моно- ментальности. И это прежде всего количественная монументальность. Роман составят двадцать, может быть, более, книг. Он включает множество деталей, лич и мно- жество положений. Он стремится охватить действительность очень широко. Но это только внешняя сторона дела. На каждом шагу ча- тель убеждается в режой, крича- щей диспропорции между огромной широтой замысла и тем, как по- верхностно, бедно, упорно, гудо- кожно инертно, «уплодно» написан роман.

Жюль Ромэн хочет дать монументальную картину современного ка- питализма. Он подходит к этой за- даче как художник, которому собы- тия всеобщего кризиса доказали,

что основы капиталистического ми- ра подорваны. Глубокой веры в устойчивость капитализма у него нет. Но он ищет путей «спасения». Он один из тех гуманистов, кото- рые оправдывают капитализм, «облагораживают» его звериный облик. Сквозь весь роман проходит пред- чувствие надвигающейся катастро- фы. И рядом с этим весь талант свой художник тратит на то, чтобы представить рушащийся капитализм как нечто привлекательное, полное интереса, глубоко жизненное.

Жюль Ромэн делает попытку пи- сать о современном капитализме па- тетически. Вступая на этот путь, художник идет к лжи, лакировке. Пафос оказывается чрезвычайно искусственным и натянутым. Претензия превзойти Бальзака выг- лядит трагикомически.

Жюль Ромэн пишет грандиозный роман для того, чтобы оправдать современный капитализм. Но даже гуманисту сделать это не просто. — Слишком обнажены язы гунического мира. Не случайно Жюль Ромэн от- посит действие в более спокойную, устойчивую обстановку 1908 го- да. Здесь он дает последний простор иде- ализирующей тенденции. Все, вплоть до парижских мод того вре- мени или «милых» спекуляций са- харом, увлекających дам Парижа, представлено в розовом свете. Чу- десный, в каждой своей черте тя- щий очарование мир!

«Люди доброй воли» — называет- ся роман. Этим хорошо выражено стремление автора развернуть гал- лерею «подрумяненных» фигур бур- жуазного общества. Говоря о бур- жуазном прошлом с такой откровен- ной симпатией, автор имеет в виду бурное и грозное сегодня. Он пи- шет идиллию капиталистического процветания, равновесия, чтобы за- щитить умирающий капитализм.

«Люди доброй воли». Нефтяные спекуляторы вроде Шансона или Самбеко, птицы большого полета и белые мелкие хищники, Аверкам и Рикодоми, аристократическая семья Сен-Пауля, переплетчик Кмет,

становящийся убийцей и провока- тором, мasons и социал-демократы, студенты «Нормальной школы» Жерфанья и Жаэза, гуманистиче- ские мечтатели, депутат Гюро, тор- жествующий радикальной фразой, пу- стый и чванливый литератор Жюль Ромэн — все это «Люди доброй воли» описаны сердечно и розово.

Жюль Ромэн подходит к действи- тельности капитализма с такой обя- занно лакирующей тенденцией, что даже теми социальными критика- ми не развешены его романы. Все декоративно! Даже жулики, проща- денники, преступники представлены привлекательно.

Автор ведет поистине «патетиче- скую» борьбу с правдой. Он обяза- нно готовность закрасить любую мерзость, представив ее как прекрасное. Это и создает основной тон романа о «Людах доброй воли». Спекуляция сахаром, нефтью, по- ложившими, как идиллия! Нехо- дящие охотников за любовью, устраивающих свои делишки, как почтенная деятельность! Продол- жение буржуазного искусства, бур- жуазной прессы, буржуазной поли- тики, как пикантная «необходимы- сти», не вызывающая негодова- ния. Зверское преступление Кинета, как идиллия точного расчета, как торжество великолепно вышклен- ной воли!

Естественно, что эта «монумент- альная» попытка искажения раз- ложает себя. Роман, стремящийся к тому, чтобы показать капитализм в привлекательном свете, заключает в себе такие смрадные черты действ- ительности, что даже сквозь густой слой лжи они проступают. Роман в своей основе имеет «чуждо» ность капитализма, как выражается Андрей Жид.

то занимает Париж. Жюль Ромэн давно уже считается мастером ро- дского пейзажа — теперь он пи- шет вдохновенные страницы, пока- зывающие город глубокого и гар- монического «равновесия», цветую- щую и жизнерадостную столицу ка- питалистического «процветания».

Жюль Ромэн строит изображение буржазской жизни парижских улиц, картины парижских утр и закатов так, чтобы не только связать эти в одно целое свое «поэму благопо- лучия», но и еще раз особенно густым интенсивным слоем положить розовый лак на все, что показано в «Людах доброй воли».

Таких образом, пафос нового произведения Жюль Ромэна — жон- глёрский, искусственный, «подрумяни- вающий». Он выражается прежде всего в удручающей сахарности романа. Искусство кондитера!

«Люди доброй воли». Под знаком древнего благоговения мы будем искать их в толпе и обретать. Пусть же еще раз рано или поздно соберет их «благая весть» в пусты- нах, пусть они какое-нибудь верное средство узнавать друг друга, что- бы не погиб этот мир, чужью и со- лью которого являются они». В этом же духе программное заявление осуществлено весь роман, стремя- щийся доказать привлекатель- ность капиталистического мира, принести «благую весть» его устой- чивости.

Безостановно, роман такого напра- вления, как этот, боится правды и капитализма. Автор все прилежно и всею находит оправдание. Воз- мышено повествует он о темных махинациях нефтяного льва Шен- сона и о затхлой семье вырождаю- щихся Сен-Пауля и о смрадных похождениях Кинета. Ничто не воз- буждает его негодования, всегда благодугно течет рассказ. Получа- ется ложь монументальная!

Автор стоит в позе растроганного созерцателя, не задумывающегося над «природой» вещей. Он не свя- зывает свое изображение в одно целое и даже подчеркивает невоз- можность, бессмысленность такой работы для художника — изобра- жение должно возникать стихийно, на почве одной интуиции. Как вол- ны, набегает друг на друга отдель- ные слои повествования, смешивая- ся между собой, но не собираясь вокруг какой-нибудь центра. Ав- тор подчеркивает «непознаваемо- сть» жизненного потока и бес-

безобразном не возмущается, в обла- сти эротики необычайно смел, он даже «новатор» здесь в смысле от-кровенности. Дряхлеющее, старче- ское искусство буржуазии в эти «смелых» страницах Жюль Ромэна находит «монументальное» выраже- ние.

И в этой области Жюль Ромэн склонен опереться на некую «науч- ность». Фрейд помогает ему в этом. Не так давно автор «Людей доброй воли» читал лекцию, в ко- торой доказывал, что пути совре- менного искусства начертаны Фрейдом. Да, но это пути искусства умирающего капитализма.

Идей романа является оправдан- ный капитализм. Это выражено во всех чертах произведения. Этим поро- ждена его ложная и дряблая «монументальность». Жюль Ромэн — гуманист, употребляющий для лаки- ровки действительности фразы о «человечестве», культуре и « евро- пейском единстве». Недавно он опу- бликовал книгу статей «Проблемы сегодняшнего дня», в которой гуманистическое «слово» выражено чрезвычайно мажорно. Это человек, воздающий хвалы Лиге наций. Это — ман-европеец.

Роман написан так, чтобы ничто не нарушало его облика, как отра- жение стихийного потока жизни. В романе этого нет публицистики. Но в нем есть люди, которые торгуют не нефтью или недвижимостями, а гуманистической благодатью. Вер- нее, будут торговать. Такую Жа- лэз и Жерфанья, молодые студен- ты, жаждо вдыхающие воздух Па- рижа и любящие подготавливать не только о поэзии, но и о судьбах че- ловечества. Повидимому, они выра- жают в крикливох пророков гумани- зма. Как гуманистический бюст- ститель европейского «мира и единства» представлен Жерес, что чрезвычайно возмущало делцов со- циал-фашистской прессы во Фран- ции. На страницах «Потолок» новое произведение Жюль Ромэна получило восторженный отзыв.

С исключительной поспешностью четыре тома «Людей доброй воли» переведены на русский язык и из- даны «Временем». К сожалению, мы не нашли в этом издании критиче- ских статей, разъясняющих харак- тер последнего произведения Жюль Ромэна.

ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

В. Итн

Новые центры культуры

К постановке вопроса на всесоюзном съезде писателей

Н. Алексеев

Промысловик

Гроза зверей, но сам — не грозный,
Струнный смех из-под усов,
Один из стаи промколхозной
Сибирских промысловиков.

Ему знакома Абакана,
Тайги крутые склоны, где
Он посылал свинец «Жекана»
Навстречу вздыбленной беде.

Как пест, угасая запах,
Берлогу чуж, сам не раз
Крычал в костыльных брасах
И шкуру собственную сыпал.

Забаву, скажут ли, пустая
Направить лыжу с крутизна,
Стыда снегами горностая
Снега морозной близины.

Звучит рассказ: стрелок глазастый
На мушкетерский глазок
Сажал шагов на полтораста,
На кедре, что гудел, высок.

Гашетку мал, и пуля легла
И глаза по ветрам седым
Добычу пух погулобуный
Сквозь нерассеявшийся дым.

Ни грозный зверь, ни холод лютый
Зреть поставит, не волны
Его охоте за валютой
Для пролетарской стороны.

Творческая продукция

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о перестройке литературных организаций дало огромный толчок для развертывания творческой работы в Западно-Сибирском крае. Отчетные вечера, организованные Оргкомитетом, показали рост творческой продукции за год, значительный рост ее качества, возврат к литературной работе ряда писателей, отошедших от литературы.

Винан Итн выпустил в издательстве «Советская Азия» (Москва, 1932) книгу «Морские пути советской Арктики», которая привлекла к себе внимание не только как научно-популярный очерк, но и вызвала определенный интерес в научном мире.

В августе выходит в печати повесть В. Итна «Белый кит» в серии «Сибирские рассказы».

Георгий Павлов написал произведение о колхозной работе, повесть «Мистер интервент».

Никандр Алексеев отмечает 25-летие творческой работы выпуском сборника избранных стихов, отражающих пройденный поэтом путь.

Афанасий Коптелов выпустил большую книгу «Светлая кровь», сейчас работает над новым романом «Великое колено», о прошлом и настоящем Омска.

Генрих Кальвари выпускает сборник рассказов, посвященных по преимуществу Северному морю, порту Игарка. Кальвари изображает перестройку человека, попавше-

го в этот своеобразный город, выросший там, где еще недавно были только кочевья.

Владимир Выхляев печатает повесть «Сирена» и готовится к печати повесть «Сирена».

Георгий Вяткин выпустил сборник рассказов «Вчера», выпускает книжку в стихах «Роботам о Сибирии» и готовит другую детскую книжку «Рассказ о земле и науке» (Мичурин в Сибирии).

Глеб Пушкарев заканчивает повесть «Ошибки инженера Шанкога» и повесть «Отряд партизана Домова».

Илья Мухачев выпускает сборник стихов «На горном пути».

Поэт Василий Непомнящих издал в Москве сборник стихов «Огнеупор» и в Новосибирске «Покорение тайги».

Кондратий Урманов выпустил книгу рассказов о гражданской войне «Клевые годы», работает над колхозным романом «Опрокинутая тишина».

Петр Стрижков подготовил к печати книгу очерков «Кулулда».

Николай Кудрявцев готовит к печати сборник рассказов.

Александр Мисурев перешел к прозе и печатает большую повесть «Всех сильнее». В очередном номере «Сибирских огней» печатается его новый рассказ из жизни Кавказа.

Петр Гинзбург подготовил к печати повесть «Пестун».

Василий Александров готовит к печати сборник рассказов.

НА ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ОРГКОМИТЕТОВ

Начало — смотри страницу 1

Тов. Кац характеризует условия ожесточенной классовой борьбы, в которой приходится работать литературным организациям Северного Кавказа. За последние период практическое участие писателей в социалистическом строительстве усиливается — они выезжали на объекты заготовок, работали по слову кулацкого саботажа и т. д. Тем не менее, замкнутость литературных организаций на Северном Кавказе еще продолжает чувствоваться в большой мере, влияние групповщины еще заметно на целом ряде фактов. Необходимо усилить место и роль советской литературы и на страницах местной печати.

Тов. Магидов, характеризуя продвижение писателей как движение еще очень молодое (в сушености оно начнется только по сущности постановления от 23 апреля), подчеркивает, что решение ЦК произвело настоящий переворот и в умах и в поступках. В профсоюзном как школе коммунизма писатель нуждается больше, чем когда-либо другой, так как он не производит выучки на крупном индустриальном предприятии. Массовое литературное движение требует к себе глубочайшего внимания, и здесь особенно велика роль профсоюзов.

Тов. Кулик отмечает ряд ошибок украинских организаций в отношении культурного строительства. Однако было бы неверным думать, что советская Украина не сможет преодолеть всеобщий съезд положительных творческих результатов. Благодаря руководству и помощи партийной организации в главе с т. Постышевым теперь мы разобрались и развили классового врага, промисского и на ряд участников культурного строительства и

Украине. Основные кадры советских писателей теперь еще теснее сплочены вокруг Оргкомитета, вокруг его коммунистической фракции.

Массово-литературное движение на Украине имеет значительные достижения (литературная газета на КПЗ, на авиазаводе и т. д.). Устанавливается связь между квалифицированными писателями и начинающими. В Доблессе проведен всесоюзный съезд рабочих-писателей-уольщиков. Слабое место массово-литературной работы — колхозные и совхозные кружки.

Соединенными силами всесоюзного Оргкомитета и оргкомитетов союзных республик будет усилена и закреплена тесная международная связь всех отрядов советской литературы.

Выступивший от «Литературной организации» т. С. Динамов подробно остановился на работе газеты: «Литгазета», — сказал т. Динамов, — делает по ряду основных вопросов гораздо меньше, чем она могла бы и могла сделать. Если бы более или менее наладилась освещение произведений писателей Москвы и Ленинграда, то для писателей республиканских, краевых и областных мы сделали чрезвычайно мало. Были лишь попытки дать полосу Украине, полосу Татарии, Северному Кавказу, но все это совершенно недостаточно. Творческая дискуссия у нас также была развита недостаточно широко. Я хотел бы, чтобы товарищи поддержали деятельность «Литгазеты» резкой критикой и наметили ряд конкретных тем и произведений отдельных авторов, которые газете следовало бы осветить.

«Искусство и жизнь» — вот та точка, которая в последние полто-

радва месяца прочно нацупана «Комсомольской правдой», открывшая собой «Красную доску советской литературы». Эта точка должна стать главной и для нас, для которых вопрос о литературе и жизни является основным, решающим вопросом. Социалистическую литературу, литературу жизни, создающую писатели, знающие жизнь и делающие ее. Именно поэтому особое внимание заслуживает работа Панферова, Ставского, Безыменского, Шолохова и т. д.

Тов. Лахути (Таджикистан). Там, где раньше мог летать только орел и позвать змея, уже строится МТС и летают аэропланы. Там же под руководством ленинской партии создается и своя художественная литература, окончательно освобождающаяся из-под ита идеологического бремена. Коренной вопрос для нас — интернациональное воспитание. «Весь мир скорбует о судьбе колхоза», — сказал мне старик колхозник, недавно ликвидировавший свою неграмотность. Поэтому мы, создавая единую трудовую пролетарскую семью, должны хорошо знать друг друга. В этом нам должен помочь Оргкомитет писателей. Оргкомитет должен обеспечить нам это знакомство и сближение, чтобы мы знали друг друга. Надо, чтобы Оргкомитет Союза писателей почаще посылал товарищей в республику Средней Азии, но не в канцелярии и аппараты, а в колхозы и фабрики.

17 июля на совещании выступил т. Ставский. — Самой лучшей подготовкой к нашему съезду, — сказал он, — была бы такая подготовка, если бы мы больше писали, но, к сожалению, на нашем совещании о творчестве речи почти не было. Я хотел бы, чтобы наше совещание

Последние номера «Сибирских огней» показывают значительный рост советской литературы в Западной Сибири. В этом году впервые Западно-Сибирское отделение ОГИЗ выпускает значительную продукцию художественной литературы. Изданы и намечены к печати книги Г. Вяткина, А. Коптелова, Г. Павлова, И. Мухачева, В. Выхляева, Н. Куликова, А. Коптелова, Г. Павлова, И. Мухачева, В. Выхляева, Н. Куликова и др. Г. Пушкарев, Г. Павлов, В. Выхляев написали по пьесе для профессионального театра (Г. Пушкарев — «Ошибки инженера Шанкога», Г. Павлов — «Мартын и Жюна», В. Выхляев — «Пресперити»).

Из выходящих этим летом книг отметим роман о Туркисне «Светлая кровь» А. Коптелова, сборник стихов И. Мухачева «На горном пути» и книгу избранных стихов Н. Куликова Алексеева.

Роман А. Коптелова «Светлая кровь» первоначально печатался в журнале «Сибирские огни» (в 1931 году). Летом 1932 года автор снова работал над романом, изменил композицию, ввел новых действующих лиц.

Роман интересен широким охватом и подлинным интернационализмом, характерным для большинства лучших произведений советской литературы Сибирии.

Илья Мухачев, в прошлом крестьянин и рабочий колхоза, работает в поэзии около десяти лет. Он — один из любящих колхозных поэтов Сибири. Это доказало его недавнее выступление на краевом съезде колхозников-ударников. Стихи его доступны для понимания широких масс, написаны с высоким мастерством. Книга Мухачева заслуживает, несомненно, большого тиража, чем может дать теперь краевое издательство.

Никандр Алексеев по профессии — инженер, но в поэзии, по пути И. Мухачева. Первая книжка стихов Н. Алексеева.

Автор переработал пьесу для клубной сцены, что в настоящее время при недостатке репертуара следует особо отметить.

В последние стихи, написанные поэтом в Сибири и о Сибири, Н. Алексеев приближается к большой простоте и доступности.

Всесоюзный Оргкомитет ССП в письме к т. Эйхе констатирует, что западносибирский отряд советской литературы является весьма по значению в РСФСР после Москвы и Ленинграда. Советская литература в Сибири непрерывно растет, многочисленные литературные кружки дают ей новые кадры, они же участвуют в местной печати края. Литературные кружки сел Троицкого (в предгорьях Алтая) выпустили даже собственную очень интересную литературную газету. Это совершенно беспримерное явление показывает гигантский культурный рост когда-то глухой и дикой сибирской деревни. В том же районе один из колхозов принял имя краевого журнала «Сибирские огни».

Однако нельзя не задуматься над тем, что Западная Сибирь непрерывно теряет и теряет свои лучшие кадры квалифицированных писателей. Уехали в центр Абабков, Березовский, Зазубрин, Караваев, Пермитин, Сейфуллина, Смирнова, Н. Никитин, П. Васильев, Фрайберг, Чертова, Уткин, Шухов, Югов и ряд других. Перед оставшимися также стоит вопрос: не уехать ли?

В этом отношении повинен сам Западносибирский край, который еще не сумел поставить вопросы культурного строительства на необходимой высоте. Трудно, например, мириться с тем, что книги краевой научной библиотеки, получающей обязательный экземпляр ряд лет, лежат в подвале (где помещается и библиотека) неразобранными, и поэтому пользоваться ими нельзя, хотя, несомненно, не одну из канцелярий можно было бы заставить потратить, чтобы развернуть библиотеку. Даже молодые, начинающие писатели, уехавшие из Сибири в Москву, оказались в лучших материальных и жилищных условиях, чем в Новосибирске. Издательские возможности КраЮГИЗ не охватывают и половины продукции Западносибирского союза советских писателей.

Однако центр тяжести вопроса заключается не в этих преходящих особенностях. В самом деле, никакая сибирской литературы в том смысле, в каком можно было бы употребить этот термин в колониальном прошлом, сейчас нет и быть не может. Существует единая советская литература, структурами которой в известной мере являются и так называемые «сибирские писатели». Нет «сибирской литературы», но есть советская литература в Сибири — в Западной Сибири, Восточной Сибири — ряд национальных литератур. Возникновение Восточноси-

сева «Весна» вышла еще в Петербурге в 1916 году. Следующие три книги («Венок павшим», «Тыныны», «Ветровые песни») вышли во Франции (1916—1920), куда поэт поехал вместе с русскими войсками. Приведем несколько строк из его «Песни колхозника».

«Мы — сеятеля смелые,
Строители смелые,
Сводили банды белые
Кичливых ковчегей.

По лугу ли, по гриве ли,
По берегу ли реки,
Глядите — все ли вывели
Лихие сорняки.

Глядите, чтоб занозная
Тайком не расцвела
В колхозе — не колхозная,
Кулацкая трава.

За возвращение с песнями —
Недаром бой вели.
Огнем пали по плесени
Полей полных поля...

В последних стихах, написанных поэтом в Сибири и о Сибири, Н. Алексеев приближается к большой простоте и доступности.

Всесоюзный Оргкомитет ССП в письме к т. Эйхе констатирует, что западносибирский отряд советской литературы является весьма по значению в РСФСР после Москвы и Ленинграда. Советская литература в Сибири непрерывно растет, многочисленные литературные кружки дают ей новые кадры, они же участвуют в местной печати края. Литературные кружки сел Троицкого (в предгорьях Алтая) выпустили даже собственную очень интересную литературную газету. Это совершенно беспримерное явление показывает гигантский культурный рост когда-то глухой и дикой сибирской деревни. В том же районе один из колхозов принял имя краевого журнала «Сибирские огни».

Однако нельзя не задуматься над тем, что Западная Сибирь непрерывно теряет и теряет свои лучшие кадры квалифицированных писателей. Уехали в центр Абабков, Березовский, Зазубрин, Караваев, Пермитин, Сейфуллина, Смирнова, Н. Никитин, П. Васильев, Фрайберг, Чертова, Уткин, Шухов, Югов и ряд других. Перед оставшимися также стоит вопрос: не уехать ли?

В этом отношении повинен сам Западносибирский край, который еще не сумел поставить вопросы культурного строительства на необходимой высоте. Трудно, например, мириться с тем, что книги краевой научной библиотеки, получающей обязательный экземпляр ряд лет, лежат в подвале (где помещается и библиотека) неразобранными, и поэтому пользоваться ими нельзя, хотя, несомненно, не одну из канцелярий можно было бы заставить потратить, чтобы развернуть библиотеку. Даже молодые, начинающие писатели, уехавшие из Сибири в Москву, оказались в лучших материальных и жилищных условиях, чем в Новосибирске. Издательские возможности КраЮГИЗ не охватывают и половины продукции Западносибирского союза советских писателей.

Однако центр тяжести вопроса заключается не в этих преходящих особенностях. В самом деле, никакая сибирской литературы в том смысле, в каком можно было бы употребить этот термин в колониальном прошлом, сейчас нет и быть не может. Существует единая советская литература, структурами которой в известной мере являются и так называемые «сибирские писатели». Нет «сибирской литературы», но есть советская литература в Сибири — в Западной Сибири, Восточной Сибири — ряд национальных литератур. Возникновение Восточноси-

Н. Ростовская

Сибирская руда

О ЖУРНАЛЕ «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

ЗА 1932—33 ГОД

Первое, что обращает на себя внимание в двенадцати номерах журнала «Сибирские огни» за 1932 г. и двух номеров за 1933 год, — это широкое устремление писателей к основной теме своего края, теме превращения таежной, каторжной Сибири в Сибирь социалистическую. Но, к сожалению, в большом ряде очерков проблема художественного показа людей, бьющихся за выполнение производственного плана, методов, достижений и целей этой борьбы, оказывается часто только заданной, но не разрешенной. Характерны в этом плане очерки А. Куликова «Крушение тайги» (№ 5), где конкретный показ трудового пафоса и будущей борьбы подменяется описаниями технического оборудования, рудника, машин, заслоняющих собой людей.

Статичность показа явлений особенно заметна в отображении людскими ударищами. Даже в лучших очерках: «Рассказы о горном заводе» П. Стрижкова (№ 5 и 6), «Подземная молодость» В. Зверева (№ 9 и 10), «Герои Доблесса» К. А. Гудок-Еремеева (№ 11 и 12) авторы показывают ударников через показатели производственных завоеваний, но не как конкретные и типичные образы нового человека. Этой обделенки в изображении ударников довольно удачно избегает Чертова в рассказе «Узел» (№ 1—2, 1933 г.), кстати, единственным, где ударничестве поставлено в связь с работой партии.

В рассказах на производственные темы, особенно в очерках, характерно отсутствие литературной обработки материала, который часто сам за себя говорит больше, чем его художественное претворение. Так, обстоятельный и большой познавательной ценности очерк П. Стрижкова «Страна горных озер» (№ 1 и 2, 1933 г.), лишь условно может быть отнесен к числу художественных произведений.

Из более удачных вещей, избегающих указанных недостатков, надо назвать живо и ярко написанный очерк Е. Филиппыча «Около золота» (№ 4), отображающий прошлое и настоящее сибирских присовков. Положительной оценки заслуживает и очерк В. Стрижкова «Рассказы о горном заводе». Несмотря на ряд частных неудач (поверхностность, плоскостность отображения ударничества), в нем автору удалось показать, как, преодолевая трудности, растет один из крупнейших горных заводов Сибири.

Имеют серьезные недостатки и произведения о колхозной Сибири. Вместо отображения живой колхозной действительности мы часто сталкиваемся в них со схемой, смазанным и упрощенным процессом перестройки деревни и борьбы с кулачеством (очерк Н. Попова «Ростки», № 1, 1932 г.), колхозные рассказы Ф. Бубеннова (№ 7 и 8), в меньшей мере очерки Алексеева «На пашне большевистской» (№ 2 и 3, 1932 г.) и Рожкова и И. Тюмина «Медведь» (№ 5). Последний очерк интересен широтой своего замысла — показать историю одного сибирского села, от довероловного прошлого до колхоза. Однако именно колхозный медведь отображен чрезвычайно схематично.

Наиболее значительная и интересная повесть А. Коптелова «Первая весна» (№ 2 и 3, 1932). В этой повести об алтайском колхозе автор показывает, как силами передового алтайского беднячества налаживается при содействии русских колхозников новая жизнь колхозников. Автор не затухает весь своей необычайной трудности перестройки сознания отсталого кочевника, правдиво показывая, как рушится обаяющая как покорности и неспротивления бая религиозная каба и растет в бедняцких слоях колхозников классовое самознание. Не замыкается автор и реңидиов шовинизма, раскрывая на конкретных фактах новые социалистические взаимоотношения больших и малых народов. Недостатки формы (авторские ошибки, нарочитое стилизованное речевое алтайцев) в этой содержательной повести особенно обидны. О том, что А. Коптелов стоит на правильном пути, растает, говорит и позднейший его рассказ «Гостой» (№ 1 и 2, 1933).

Интересна постановка темы отцов и детей в момент застроенной котловых борьбы в деревне — повесть К. Гольдберга «Жизнь начинается сегодня» (№ 2 и 3, 1932). Однако, споря с темой детей и коммуны, автор тему отца полностью не раскрывает.

Выводы из всего сказанного о производственных и колхозных очерках и рассказах — необходимость настоящей борьбы за углубленную, полноценную художественную разработку темы, за качество произведения. Отдельные значительные успехи — «Первая весна» Коптелова, очерки Стрижкова, Филиппыча — знак несомненных творческих завоеваний, но удач этих еще мало.

Большое место на страницах «Сибирских огней» занимает военная тематика. Внимание сибирских писателей к этой теме является фактом глубоко положительным. Показательно к четкой классовой направленности творчества молодых сибирских рабочих-писателей, что именно им оказалась наиболее близка тема сегодняшнего дня Красной армии. Однако ни «Записки венковора» С. Камень (№ 4), ни рассказы А. Мисурова «Тракторы» (№ 11 и 12) эту тему не поднимают на должную идейную высоту: художественный показ социально-воспитательного значения военной темы подменяется звучаниями, как петиция из учебника политграмоты, фразы и эмпирическими описаниями.

Гораздо большее внимание писателей привлекает к себе (и в главном образом, старших сибирских писателей) гражданская война в Сибири. Интересны в этом плане главы из романа К. Урманова «Последний рейс» (№ 9 и 10), воссозда-

Н. Ростовская

Сибирская руда

О ЖУРНАЛЕ «СИБИРСКИЕ ОГНИ» ЗА 1932—33 ГОД

Первое, что обращает на себя внимание в двенадцати номерах журнала «Сибирские огни» за 1932 г. и двух номеров за 1933 год, — это широкое устремление писателей к основной теме своего края, теме превращения таежной, каторжной Сибири в Сибирь социалистическую. Но, к сожалению, в большом ряде очерков проблема художественного показа людей, бьющихся за выполнение производственного плана, методов, достижений и целей этой борьбы, оказывается часто только заданной, но не разрешенной. Характерны в этом плане очерки А. Куликова «Крушение тайги» (№ 5), где конкретный показ трудового пафоса и будущей борьбы подменяется описаниями технического оборудования, рудника, машин, заслоняющих собой людей.

Статичность показа явлений особенно заметна в отображении людскими ударищами. Даже в лучших очерках: «Рассказы о горном заводе» П. Стрижкова (№ 5 и 6), «Подземная молодость» В. Зверева (№ 9 и 10), «Герои Доблесса» К. А. Гудок-Еремеева (№ 11 и 12) авторы показывают ударников через показатели производственных завоеваний, но не как конкретные и типичные образы нового человека. Этой обделенки в изображении ударников довольно удачно избегает Чертова в рассказе «Узел» (№ 1—2, 1933 г.), кстати, единственным, где ударничестве поставлено в связь с работой партии.

В рассказах на производственные темы, особенно в очерках, характерно отсутствие литературной обработки материала, который часто сам за себя говорит больше, чем его художественное претворение. Так, обстоятельный и большой познавательной ценности очерк П. Стрижкова «Страна горных озер» (№ 1 и 2, 1933 г.), лишь условно может быть отнесен к числу художественных произведений.

Из более удачных вещей, избегающих указанных недостатков, надо назвать живо и ярко написанный очерк Е. Филиппыча «Около золота» (№ 4), отображающий прошлое и настоящее сибирских присовков. Положительной оценки заслуживает и очерк В. Стрижкова «Рассказы о горном заводе». Несмотря на ряд частных неудач (поверхностность, плоскостность отображения ударничества), в нем автору удалось показать, как, преодолевая трудности, растет один из крупнейших горных заводов Сибири.

Имеют серьезные недостатки и произведения о колхозной Сибири. Вместо отображения живой колхозной действительности мы часто сталкиваемся в них со схемой, смазанным и упрощенным процессом перестройки деревни и борьбы с кулачеством (очерк Н. Попова «Ростки», № 1, 1932 г.), колхозные рассказы Ф. Бубеннова (№ 7 и 8), в меньшей мере очерки Алексеева «На пашне большевистской» (№ 2 и 3, 1932 г.) и Рожкова и И. Тюмина «Медведь» (№ 5). Последний очерк интересен широтой своего замысла — показать историю одного сибирского села, от довероловного прошлого до колхоза. Однако именно колхозный медведь отображен чрезвычайно схематично.

Наиболее значительная и интересная повесть А. Коптелова «Первая весна» (№ 2 и 3, 1932). В этой повести об алтайском колхозе автор показывает, как силами передового алтайского беднячества налаживается при содействии русских колхозников новая жизнь колхозников. Автор не затухает весь своей необычайной трудности перестройки сознания отсталого кочевника, правдиво показывая, как рушится обаяющая как покорности и неспротивления бая религиозная каба и растет в бедняцких слоях колхозников классовое самознание. Не замыкается автор и реңидиов шовинизма, раскрывая на конкретных фактах новые социалистические взаимоотношения больших и малых народов. Недостатки формы (авторские ошибки, нарочитое стилизованное речевое алтайцев) в этой содержательной повести особенно обидны. О том, что А. Коптелов стоит на правильном пути, растает, говорит и позднейший его рассказ «Гостой» (№ 1 и 2, 1933).

Интересна постановка темы отцов и детей в момент застроенной котловых борьбы в деревне — повесть К. Гольдберга «Жизнь начинается сегодня» (№ 2 и 3, 1932). Однако, споря с темой детей и коммуны, автор тему отца полностью не раскрывает.

Выводы из всего сказанного о производственных и колхозных очерках и рассказах — необходимость настоящей борьбы за углубленную, полноценную художественную разработку темы, за качество произведения. Отдельные значительные успехи — «Первая весна» Коптелова, очерки Стрижкова, Филиппыча — знак несомненных творческих завоеваний, но удач этих еще мало.

Большое место на страницах «Сибирских огней» занимает военная тематика. Внимание сибирских писателей к этой теме является фактом глубоко положительным. Показательно к четкой классовой направленности творчества молодых сибирских рабочих-писателей, что именно им оказалась наиболее близка тема сегодняшнего дня Красной армии. Однако ни «Записки венковора» С. Камень (№ 4), ни рассказы А. Мисурова «Тракторы» (№ 11 и 12) эту тему не поднимают на должную идейную высоту: художественный показ социально-воспитательного значения военной темы подменяется звучаниями, как петиция из учебника политграмоты, фразы и эмпирическими описаниями.

Гораздо большее внимание писателей привлекает к себе (и в главном образом, старших сибирских писателей) гражданская война в Сибири. Интересны в этом плане главы из романа К. Урманова «Последний рейс» (№ 9 и 10), воссозда-

Илья Мухачев

Песня

Высокий день. Широкая прохлада.
Сиянье сосен. Листвен водопла.
Тальник осыпан пухом лебединым,
Синеют реки синевою длиною,
Скала и мис. И на скале сосна,
Широкая, как ливень, как весна,
На берегу, что зеленью оканан,
Пасется скот колхозного аймака,
Пастух-ойрот, приветствуя весну,
Пустит коня и песню затанует:
С свежим солнцем птица смеется,
Золотые свистят лучи,
Шибко славно и молодо бьется
Сердце Алтын-Кичи.
Здравствуйте, горы! Здравствуйте,
Здравствуйте, река!
Здравствуй, алтайский старец,
Шибко радостным стал человек,
Старый пастух-ойрот,
Слушай, белый огонь водопла,
Уши открой, хвоя, —
Паша в когда-то здесь байские стада,
Ниче колхозник — я,
Раненый ворон в простор не летает,
Солнце не просит калым,
Хитрому каму, жалкому баю
Камнем леться со скалы,
Черный барашек, белые губы
Кайлей воды омыли,
Шибко великого Ленина любил,
Старый Алтын-Кичи,
Барс полостый в реке не потонет,
В небе орла не пролашь,
Умные звери — бараны и кони,
Я — новый хозяин ваш.
Затих ойрот, как затихает всякий,
Но песня его уносится в аймак,
И вот уже, напряжена до дрожи,
Растет на ветру смуглой молодежи,
Под эту песнь ищет извальной тропу
На промысле шагает зверобой,
Кочевник, узкие глаза прищурив,
Вызывает песню на топшуре,
Как зов, как горный летит охоты
По склонам каменистого Алтая.

Песня

Высокий день. Широкая прохлада.
Сиянье сосен. Листвен водопла.

Тальник осыпан пухом лебединым,
Синеют реки синевою длиною,
Скала и мис. И на скале сосна,
Широкая, как ливень, как весна,
На берегу, что зеленью оканан,
Пасется скот колхозного аймака,
Пастух-ойрот, приветствуя весну,
Пустит коня и песню затанует:
С свежим солнцем птица смеется,
Золотые свистят лучи,
Шибко славно и молодо бьется
Сердце Алтын-Кичи.

Здравствуйте, горы! Здравствуйте,
Здравствуйте, река!
Здравствуй, алтайский старец,
Шибко радостным стал человек,
Старый пастух-ойрот,
Слушай, белый огонь водопла,
Уши открой, хвоя, —
Паша в когда-то здесь байские стада,
Ниче колхозник — я,
Раненый ворон в простор не летает,

Солнце не просит калым,
Хитрому каму, жалкому баю
Камнем леться со скалы,
Черный барашек, белые губы
Кайлей воды омыли,
Шибко великого Ленина любил,
Старый Алтын-Кичи,
Барс полостый в реке не потонет,

В небе орла не пролашь,
Умные звери — бараны и кони,
Я — новый хозяин ваш.
Затих ойрот, как затихает всякий,
Но песня его уносится в аймак,
И вот уже, напряжена до дрожи,
Растет на ветру смуглой молодежи,
Под эту песнь ищет извальной тропу
На промысле шагает зверобой,
Кочевник, узкие глаза прищурив,
Вызывает песню на топшуре,
Как зов, как горный летит охоты
По склонам каменистого Алтая.

Следует приветствовать внимание журнала к поэтическому творчеству малых народностей Сибири, выраженные в публикации статьи о ханкаской литературе Г. Филиппыча (№ 1, 1932) и алтайских народных песен — переводе Непомнящих (№ 7 и 8).

Отдел критики и библиографии журнала заставляет желать много лучшего, в нем не ощущается тесной связи с общей жизнью советской литературы, решение ЦК партии от 23 апреля нашло себе отражение только в публикации официального постановления и в информационной статье о пленуме Оргкомитета; обзор литературы ведется без системы.

Как положительный факт надо отметить довольно широко развернутую на страницах журнала писательскую самокритику и публикацию отзывов читателей о творчестве сибирских авторов. Журнал сумел наладить связь с своим читателем.

«Сибирские огни» как областной журнал требует иных мер, чем центральные литературные журналы, где собраны лучшие писательские силы. И суммируя в этой точке зрения итоги художественной продукции «Сибирских огней» за 1932

О КНИГЕ В. ШКЛОВСКОГО "ЧУЛКОВ И ЛЕВШИН"

Во всяком технологическом анализе наступает момент, когда иссякает творческая работа, когда прекращается накопление научного опыта и исследовательская мысль засоряется мелким эмпирическим материалом. Это значит, что пора выбирать из технологического ограниченного, пора взглянуть на свою работу с неких более перспективных высот. Кто этого во-первых не поймет, неизбежно превратится в скучнейшего педанта и крохобора.

В. Шкловский не захотел стать ни скучным, ни педантом и написал книгу о Толстом, в которой вышел далеко за пределы чисто технологического анализа. То же проделал он в ряде статей и публицистических высказываний.

Однако читая и слушая В. Шкловского, ясно видишь, откуда он берет уйт, но куда он хочет прийти, не видишь. Той высоты, с которой можно заново увидеть всю свою работу, он еще не нашел и, кажется, не очень усердно ее ищет.

Шкловский пытается выйти из технологической узости другим путем: путем привлечения материала из "соседних", "внелитературных" областей. Он усленно ищет аналогий фактам литературным — в истории, в политике, в философии, в общественной жизни, в литературном быту. В работах Шкловского появляются цитаты и высказывания по вопросам, очень далеко от литературы отстоящим.

Последняя работа Шкловского называется "Чулков и Левшин". В книге имеются биографические сведения о Чулкове и Левшине, двух русских писателей конца XVIII века. Но помимо этого в книге говорится о том, что "развитие России имело не ту последовательность, как развитие Англии", что "знавшие хлебного вывоза XVIII века даже 80-е годов должны были уменьшить на "у нас была довольно крупная промышленная текстильная и крупная своя металлургия, что карамзинисты не победили и что реакция Шихова была вызвана именно тем, что положение классов внутри страны, взаимоотношение классовых сил, резко изменилось, и еще о многом другом.

Но строительство литературоведения дело трудное, и добросовестно собранный материал всегда ценней доспеха состряпанного картонного напуска. Шкловский начинает свою книгу с социально-экономической характеристики России XVIII века. Он утверждает, что Россия в XVIII веке была государством с большой торговлей и промышленностью, с растущим городским населением, с интенсивным спросом на наемный труд, с преобладанием оброчной системы над барщинной, с обширным экспортом и не ссырая, а фабриката, с крепким "третьим сословием" — словом со всеми атрибутами ра-

стущего буржуазного строя, — и это обычное представление об отсталости России XVIII века не верно. Отстала она позже и отстала потому, что не принимала участия в промышленной революции... технологически не переоборудовалась.

Вопрос этот не нов. В майской книге "Современного мира" за 1910 год напечатан доклад Е. В. Тарле "Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?", прочитанный им в заседании Исторического общества. Тарле пытается доказать, что в царство Екатерины Россия вовсе не была отсталой страной сравнительно даже с наиболее передовыми странами европейского материка, например, с Францией. Н. Чуевкин, наоборот, утверждает в своих "Сочерках по истории русских финансов в царствование императрицы Екатерины II", что Россия находилась в то время на чрезвычайно низком экономическом уровне. Г. Пеханов, подробно разбирая обе точки зрения, приходит к выводу, что истина скорее на стороне Чуевкина (см. главу "Взаимная борьба общественных сил в эпоху Екатерины II" в "Истории русской общественной мысли"). М. Н. Покровский прямо говорит: "Сходство того, что происходило в России в начале XVIII века, с тем, что знакомо западноевропейской истории XVI века, — иногда фотографическое", т. е. отсталость России того времени равна, по мнению Покровского, 200 годам.

Может быть, Пеханов и Покровский ошибаются, а правы Тарле и Шкловский? Но никаким тому доказательств в книге "Чулков и Левшин" нет. И о самой дискуссии даже не упоминается.

Кроме того Шкловский явно ошибается, отождествляя русское купечество XVIII века с третьим сословием Франции, носителем промышленного прогресса и идей грядущей буржуазной революции. Русское купечество очень мало заботилось тогда о развитии промышленности и в итоге удовлетворялось весьма прибыльной торговлей кустарными и ремесленными изделиями. И еще меньше мечтал оно о свободе, равенстве, братстве, о вольном труде и вольнонаемных рабочих. Единственно, чего оно добивалось — это охраны своих гильдейских привилегий и права иметь рабов наряду с дворянами. Купечество боролось с дворянством не за уравнение сословий, а за расширение своих сословных прав. Революционного в этом было немного.

Шкловский прав, отмечая, что Россия не принимала участия в промышленной революции. Но именно потому она и не принимала в ней участия, что не было тогда еще класса, активно в этой революции заинтересованного.

О технической отсталости и незаинтересованности русских купечества в развитии промышленности и промышленности работы А. Шапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа».

Третье сословие понатобилось Шкловскому для того, чтобы противопоставить читательский круг Чулкова читательскому кругу Левшина. Левшина читали дворяне, Чулкова — купцы и торгующие крестьяне. Левшин "обслуживал" аристократию, Чулков — буржуазию. Сначала буржуазия была в силе, и Левшин слегка поработал и на нее. А потом победила аристократия, и Чулков переметнулся на сторону дворянства и был внесен в дворянские книги Московской губернии. Победа реакционного дворянства над передовой буржуазией задержала развитие России. Она стала отставать.

Получается очень гладко, но не верно. Никакой передовой буржуазии в России XVIII века не существовало. Шкловский, основательно исследовав историю Франции, востановил, как минимум, ее контуры, и не торгующими крестьянами, а дворянами и были им приспособлены и переименованы в своих классовых интересах. Идеи эти были использованы в попытке ограничить самодержавную власть, в борьбе с церковью, в борьбе с притязаниями купечества на право владеть рабами. Ярый защитник дворянства, князь Щербатов восклицал: "Прилично ли, чтобы равный равному мог иметь у себя в неволе! И доказывал, что неприлично. Но равен мужику купец, и ему иметь рабов неприлично. А дворянин мужику неравен, и ему иметь рабов прилично вполне. Купцы с этим не соглашались и ссылались на Петра, который их

уважал и в рабах не отказывал. Но не вдаваясь в дискуссию о том, какой класс был "передовой", дворянство или купечество, уместно спросить: какое это имеет отношение к литературной деятельности Чулкова и Левшина?

Из опубликованных В. Шкловским материалов до очевидности ясно, что ни тот, ни другой убежденными идеологами своего класса не были. Из перечня их произведений видно, что были они добросовестными передовиками и компиляторами, обслуживавшими самого разнообразного читателя и принадлежащего к разряду литераторов-ремесленников, работающих не на социальный заказ, а на рыночный спрос.

Шкловский пишет: "Чулков был писателем вне группировки. Вернее, ему не удалось ее создать"... "Левшин не создал своей школы"... "Левшин становится сперва литератором профессионалом, а потом литературным ремесленником".

Все правильно: такие ремесленники никаких школ и группировок никогда и не создавали. Но в чем тогда принципиальное различие между ремесленником Чулковым и ремесленником Левшиным? Стоит ли на нем останавливаться? И очень ли удивительно, что сборник русских сказок принадлежит Чулкову, а не составитель его, Левшину? Не трудно спутать людей, если они на одно лицо.

Шкловский говорит про Чулкова: "Он должен был бы вырасти в Бомарше". Очевидно, потому что Чулков составил по заказу купца Голубова "Историческое описание русской коммерции".

Но вопрос о русском читателе XVIII века, поднятый Шкловским, вопрос интересный и существенный для понимания истории русской литературы. На этот счет в работе Шкловского имеются любопытные цитаты и соображения. Однако и тут он явно ошибается. "Чулков обслуживал купечество", — говорит Шкловский. Но русское купечество XVIII века в массе своей было религиозно и едва ли с увлечением читало такие произведения, как "Краткий мифологический словарь" или "Словарь русских суеверий". А "Собрание российских песен", изданное Чулковым официально, внесено архиепископом Платоном в реестр книг "сумнительных и могущих служить к разным вольным мудрованиям". Не прощали от отказываться от формулы "Чулков — Бомарше" и признавать, что Чулков немало написал книг для господ и для господских дворов, которые и составляли в то время основную массу светского вольнодумного читателя. Для них писал и Левшин. Шкловский оперирует такими суммарными понятиями, как дворянство, буржуазия, крестьянство, упустив из виду ряд социальных прослоек, сыгравших большую роль в создании русской литературы. И прежде всего крепостную интеллигенцию, которая была уже в начале XVIII века. Презрительный термин "лакейская литература" — не случайно применен в литературе в спорах вокруг Гоголя.

В заключительной, третьей части книги Шкловский публикует ряд своих заметок и догадок о Пушкине, о Карамзине, о литературном языке пушкинской эпохи, о планомерности и пр., представляющих большую литературоведческий интерес. Но о них можно говорить отдельно, так как с основными материалами книги они связаны весьма случайно.

Едино, целью работы у Шкловского, вопреки тому, что заявлено в предисловии, было то, чтобы была основана проблема: во-первых, потому что слишком позавселевский отнесся Шкловский к "соседним" областям и, в-третьих, потому что не оказалось у Шкловского той общей мировоззренческой концепции, которая единственно дает в руки исследователя твердый метод и план работы.

Пьеса об Арктике

И. Сельвинский отправился в арктический поход с О. Ю. Шмидтом на ледоколе "Челюскин" в качестве специального корреспондента "Правды". Цель поездки поэта на "Челюскин" — помимо непосредственного ознакомления с Арктикой — работа над пьесой на местном материале "Рождение класса". Пьеса будет написана стихами в реалистической манере, представляющей, однако, сочетание трагедии, драмы, мелодрамы и феерии.

Содружество писателя и художника

Графика благодаря легкости ее воспроизведения стала массовым изобразительным искусством. Особенно велико значение графической книжной иллюстрации. Но до сих пор важнейшие вопросы оформления книги оставались за пределами внимания писательской и художественной общественности.

Московское товарищество писателей впервые создало конференцию писателей, художников и читателей для обсуждения вопросов о стиле работы художника над книгой, о единстве метода работы писателя и художника и о лозунге социалистического реализма в применении к оформлению книги.

Значительный интерес представляло выступление писателей, пользовавшихся опытом совместной работы с художниками. М. Пришвин заявил, что после работы с Фаворским он убедился, что художник должен вносить в идею произведения. Писатель должен установить контакт с художником уже с момента возникновения своего замысла, чтобы замысел художника ему сопутствовал. П. Небольсин привнес в установившийся порядок, позволивший ему принять участие в замысле художника Рыбенко.

Каким же требованиям должна удовлетворять книжная иллюстрация? Каждый читатель и художник представляют себе различно созданный автором образ, а каждый художник различно изображает один и тот же предмет; отсюда художник Милошевский делает вывод, что иллюстратор должен изображать героев автора не абсолютно точно, не придавать им характерных черт, а скорее как бы синтезировать представления писателя и читателя, позволяя последнему дополнить рисунок своим воображением.

Перечисленные требования легли в основу постановлений, принятых конференцией.

Крупным недочетом конференции явилось то, что из трех человек, который должен был быть на ней представлен — писатель, художник, читатель, — выпала очень важная сторона — читатель.

Уполн. Главлита В-58956.

Из Записной Книжки

"Имею до вас, — как говорят «юго-западные левантийцы», — большой разговор на пару слов за техприпогадум". Суждение о том, что писатели наши не очень подвержены науке и технике, высказывается уже не впервые. Скажем ориентировочно: раз сто об этом уже говоривали. «Сто двенадцатый опыт», так и называется рассказ, от которого мы собираемся оттолкнуться, пускаясь в печальные размышления...

Рассказ этот написан Л. Соловьевым и напечатан в № 6 «Красной Новь». Рассказ никак не плохой. Свежий, приятный, хорошо построенный, замечательный рассказ. Рассказ с верными выводами, не очень может быть, новым, но зато поданным ярко, убедительно и на новом интересном материале: открытие в области прикладной химии. Именно она, судьба этого открытия, сразу с первой строки захватывает читателя. Читателя интересуют не менее, чем переживания героев, причины временных научных неудач, структура, подробности опыта, техническая суть.

Но здесь читателя ждет полное разочарование. Ничего, кроме «элементарного процесса кипения», который, как признает сам автор, не требует контроля, читатель не видит в рассказе. Он узнает о любви молодого химика к дочери старшего, узнает, что ошибка первых опытов исправлена, но что это за ошибка — остается неизвестным...

В рассказе достаточно психологично, но явно не хватает химии. Автор на почетнейшем расстоянии, стесняясь, обходит все научно-технические детали описываемого им опыта. Интереснейший материал свален им где-то на задворках повествования, и читатель в конце концов начинает «смушеваться», а было бы открытие? В этом отношении «Сто двенадцатый опыт» неудачный опыт, печальный опыт, подтверждающий неумение наших писателей глубоко и интересно подавать научно-технический материал.

Наша литература боится технических и научных тем. Даже в таком могучем дубе, как «Скутаревицкий», на том самом месте, где, казалось бы, вот-вот пустит ростки научная ветвь романа, даже и там вместо этого зияет весьма солидная дыра. Это особенно обидно и неприятно сейчас, когда массовый читатель полон жаждою интереса ко всяким техническим знаниям.

А ведь писал же Уэллс, чорт возьми! И Жюль Верн писал. Не брезговали наукой и техникой. Очень обстоятельно описывали. На переднем плане, так сказать. На втором — герои. Добротный, захватывающий материал. А этот самый Верн, Жюль (как пишут в библиотечных каталогах), он и в творческие командировки не ездил, и техпропом не задавался, а просто вот любил человек науку и технику. И все сто двенадцать опытов у него вышли. Главное, знал!

Еще одна техприпогадум... Провалился литературно-художественный

конкурс Цутехпропа НКПС. Как строится земля провалилась, со всеми устройствами, телефонами и рукописями. До сих пор все предпринятые нами розыски остаются безуспешными. Мы не могли найти не только концов, но и начала. А начало было положено в прошлом году роскочным объявлением Цутехпропа НКПС о «конкурсе на художественное произведение, популяризирующее вопросы ж.д. транспорта, задачи его реконструкции и овладения техникой на ж.д. транспорте».

На изысканных проспектах были жирным набраны фамилии оглушительного состава жюри конкурса: Максим Горький, Арт. Халатов, Гронский, Спирваковский, Афиногенов, Дени, Вс. Иванов, Караева, Леонов, Моор, Павленко, Пудовкин, Толстой, Третьяков, Фадеев, Черемных. Ух!.. Вот и все. При чем инициалы Толстого не были указаны, и судя по степени реальности всего этого предприятия, Цутехпроп явно подразумевал Толстого Льва...

Конкурс щедро сулил победителям многоэтажные премии за пьесы, киносценарии, за книги, плакаты, очерки, Возвещалось, что последним сроком подачи рукописей назначено 1 марта 1933 г. Посыпаясь рукописями со всех литературных пустанков и ж.д. депо. Прошел март, апрель, весенне-посевная, подым паров, начало уборочной кампании, постановление о перестройке работы на транспорте, кончается июль — ни гу-гу. И в июле выяснилась страшная вещь: конкурс исчез... Таинственное происшествие, полное бюрократической мистики. Напрасно несчастные авторы, молодые писатели и рабочие — железнодорожники обижались и обливались слезами пороги Цутехпропа, напрасно звали они по всем телефонам: негде никто ничего о конкурсе не знает... «Впрочем, — говорит некоторые из Цутехпропа НКПС, — да, действительно, был сперва какой-то конкурс, но потом его как бы вдруг и не стало. Был у нас т. Уманский, он бы вам все как есть разъяснил. Но он у нас уже не работает... Рабочие-авторы, участники исчезнувшего конкурса, недоумевают: куда же делись их крошечные рукописи? Они вопрошают Цутехпроп:

Не для того же пахал он и сел, чтобы их ветер осенний развевал?

И сами догадываются, что Цутехпроп: Знал, для чего и пахал он и сел, Да не по силам работу затеял.

Ну, а жюри?... Что же может сделать жюри? Большинство из членов его только по телефону и слышали о конкурсе. А по телефону, сами знаете, можно человека на какое угодно дело подбить. Дескать, что вы, это у вас не займет ни минуты времени, поддержите большое начинание, дайте ваше имя. А устройтеся у нас привыкли большие имена воевать все куда поалопа.

Литературные факты

"ДОМ ПИСАТЕЛЯ" В ПКЮ

В этом двухэтажном особнячке вы найдете и отдых, и место для работы. Двадцать человек ежедневно могут приезжать сюда. В нижнем этаже развернется массовая работа: творческие вечера, встречи, консультационная работа. Сейчас организована выставка им. А. М. Горького.

Но писатель приглашается сюда не только как гость и как отдыхающий. «Дом писателя» — это место встреч автора со своим читателем, место передачи творческого опыта молодому писателю.

Присутствующие писатели Ставский, Тарасов-Родионов, Березовский Ю. и др. ознакомили парк помагают и вовлеч в работу широкие писательские кадры.

«Писательскому дому» присвоено имя А. М. Горького.

Торжественное открытие дома закончилось выступлением писателей и поэтов, читавших свои произведения.

ОРГКОМИТЕТ О РАБОТЕ ЕВРЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Московская группа еврейских писателей устроила товарищеский обмен мнениями о своей работе с президиумом Оргкомитета. В прениях, по информационному сообщению т. Литвакова, участвовали: Маршак, Голднер, Кушнер, Стрельник, Нусинов, Квитко и др. Подводя итоги беседе, т. Фадеев констатировал, что писатели-коммунисты еще не создали крепкого идейного центра и не установили правильных отношений с беспартийными, развертывания работы мешают остатки группировки. Ряд предложений писателей, в частности возпрос об издании журнала, т. Фадеев обещал поставить на обсуждение президиума Оргкомитета.

идейно осмысленного рисунка отметил т. Острогорский.

Перечисленные требования легли в основу постановлений, принятых конференцией.

Крупным недочетом конференции явилось то, что из трех человек, который должен был быть на ней представлен — писатель, художник, читатель, — выпала очень важная сторона — читатель.

ВЫСТАВКА СОВЕТСКОЙ КНИГИ

Оргкомитет ССП СССР готовит к всеозоному съезду писателей грандиозную выставку советской художественной литературы.

Русские и иностранные издательства и входящие в систему издательства журналы самостоятельно готовят для этой выставки свои издания, которые затем поступают на утверждение ее руководства. Для выставки будут широко использованы и материалы Литературного музея Оргкомитета.

25 июля, в 18 ч., в Краснопресненском парке культуры и отдыха состоится первая районная читательская конференция, посвященная подготовке к всеозоному съезду писателей.

«ЛИСАТОЛИ» О КОМСОМОЛЕ

К 15-летию комсомола сектор художественной литературы «Молодой гвардии» выпускает большой юбилейный сборник в 20 печатных листов «Писатели о комсомоле». Он будет выпущен полудекадическим иллюстрированным изданием на хорошей бумаге, со специальными вкладками репродукций лучших картин о комсомоле. К оформлению сборника привлечены крупнейшие советские художники.

Уже сдали свои произведения: Г. Фини — рассказ «Разведка», А. Исаев — отрывок из романа «Радость», Н. Отнев — рассказ о комсомольце, Б. Горбачев — отрывок из романа «Семьки», М. Колосов — рассказ «Первая палубная», Г. Никифоров — рассказ, А. Жаров — отрывок из новой поэмы о комсомоле, Дж. Алтаузен «Оду молодости», Ш. Солдани — рассказ «Дед Карбо», И. Молчанов, Эм. Мадарас, Н. Ушаков — стихи о комсомоле.

Участвовать в сборнике обещали также Мух. Колыцов, О. Форш, К. Федин, Ю. Лавренев, Ф. Гладков, А. Караева, С. Кирсанов.

«ЛИСАТОЛИ» О КОМСОМОЛЕ

К 15-летию комсомола сектор художественной литературы «Молодой гвардии» выпускает большой юбилейный сборник в 20 печатных листов «Писатели о комсомоле». Он будет выпущен полудекадическим иллюстрированным изданием на хорошей бумаге, со специальными вкладками репродукций лучших картин о комсомоле. К оформлению сборника привлечены крупнейшие советские художники.

Уже сдали свои произведения: Г. Фини — рассказ «Разведка», А. Исаев — отрывок из романа «Радость», Н. Отнев — рассказ о комсомольце, Б. Горбачев — отрывок из романа «Семьки», М. Колосов — рассказ «Первая палубная», Г. Никифоров — рассказ, А. Жаров — отрывок из новой поэмы о комсомоле, Дж. Алтаузен «Оду молодости», Ш. Солдани — рассказ «Дед Карбо», И. Молчанов, Эм. Мадарас, Н. Ушаков — стихи о комсомоле.

Участвовать в сборнике обещали также Мух. Колыцов, О. Форш, К. Федин, Ю. Лавренев, Ф. Гладков, А. Караева, С. Кирсанов.

Б. Г. САМСОНОВ

Умер писатель Борис Григорьевич Самсонов. Коммунист с 1919 года, участник гражданской войны, он с 1923 года стал печататься в сатирическом журнале «Красный перец». Первые же фельетоны Бориса Григорьевича обнаружили в нем настоящее сатирическое дарование. Он умел писать коротко, просто и очень остро. Борис Григорьевич никогда не писал вступило. Его единственной целью было вовремя нанести удар по присосбленцу, карьеристу, перебрешнику, подхаму, и этому служили его талантливые фельетоны, сатирические афоризмы, темпы для карикатур. Кстати, и ныне общепринятое слово «подхамник» было впервые пушено в оборот Борисом Григорьевичем.

Горько и тяжело, что умер товарищ Борис Григорьевич Самсонов. М. Волыгин, И. Ильф, В. Катаев, М. Колыцов, Б. Левин, Л. Никитин, Ю. Олеша, Е. Петров, К. Ротов.

В МАЛЕЕВКЕ ПОПРЕЖНЕМУ НЕБЛАГОПОЛУЧНО

В этом году Малеевка расширилась. Писатели заселили новый дом творчества. В Малеевке — больше ста отдыхающих.

Однако начинается старая история. Повторение того, о чем мы писали еще в прошлом году.

До сих пор Мосгорком писателей не может создать элементарнейших условий для творческой работы писателя.

Начнем с «мелочей». Чего нет в доме творчества?

Нет: чернил, перьев, бумаги, ламп, нет газет и журналов, нет хорошей библиотеки и читальни, нет врача, нет дисциплины среди обслуживающего персонала, нет установленного (а главное — проводимого в жизнь) внутреннего распорядка.

К писательскому времени в Малеевке относятся прямо хищнически. На завтрак писатель должен терять иногда до двух часов, трапиться много времени на обед.

Нет уважения к писательскому труду в доме творчества. И совершенно прав недавно приехавший в дом творчества драматург т. Романов, говоря, что ему трудно интенсивно работать в этих условиях, закончить к конкурсу новую пьесу.

Дом творчества имеет жалкую

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С. ДИНАМОВ

ИЗДАТЕЛЬ: Журналино-газетное объединение

Адрес редакции: Москва, Тверской б. 25. Дом Герцена. 3 этаж. Тел. 2-80-12

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 7 и рассылается подписчикам № 7 ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОРОННОГО ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ"

"ЗНАМЯ"

В НОМЕРЕ: Е. ГАБРИЛОВИЧ — Крючковой, рассказ, В. МАЯКОВСКИЙ — Д. Отнев, стихи, К. ЛЕВИН — Русские солдаты, роман, Б. БЕК — Точилки, рассказ, ТЕБЕЛОВ — С. Доль, братьев Абрамцовых, рассказ, С. ЛЕВМАН — Черная пена, роман (продолжение), В. ЯСЕНЬ — Когда пишут стихи, рассказ, Г. МАЛАРАС — Прелестный, роман (продолжение), А. ЛЮБИЧЕНКО — Таня, рассказ, В. ЛИМАРЕВ — Проблема песни, стихи, В. НЕШИТАД — Мервиль Шпигельберг, очерк.

ФРОНТАЛ ЛИТЕРАТУРЫ: Л. ВАРЛАХОВСКИЙ — О В. Виппеневском, стихи, А. ВОЛКОВ — Алмаз — 4 и империалистическая война, стихи.

БИОГРАФИИ: И. ЭВЕНТОВ — Рассказы высокого напряжения (И. Мамин «Яковлев»), С. КИРЬЯКОВ — Повесть о красных сестрах (И. Арутюнян «Отец и сын»), В. ФКЛЕР — Отрывок от темы (Г. Князев «Отдых»), Г. ГЛАДИН — Смелые соборник (И. А. Штрахер).

Приминание подписки на второе полугодие — с 1-го числа. УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 12 месяцев — 1 рубль, на 3 мес. — 6 руб. Цена отдельного номера — 2 руб.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия" № 6

СОДЕРЖАНИЕ: ПРОЗА: Г. ВУТКОВСКИЙ — ОСАДА, роман (окончание), ШАЛВА СОСЛАНИ — Выход из утробы, рассказ, Л. РАХМАНОВ — Базиль, повесть, И. КАХАНА — Тактика, роман (окончание). СТИХИ: ИХ. ГОЛОДНЫЙ, А. ГИТОВИЧ, О. БЕРГГОЛЬД, Г. ТОМАШЕВСКИЙ, А. ПИШТ, ПУБЛИЦИСТИКА: С. КОПИСНИЧЕНКО, А. АБРАМЕНКО, ОЧЕРКИ: И. ШЕЙНМАН, И. БОБОВ.

Подписная цена: 6 мес. — 10 р. 50 к., 3 мес. — 5 р. 25 к. Подписка принимается на почте, у письмоводов и в магазинах Книгоцентра. ОГИЗ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОД ИСКИ НА ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ

"ЖУРНАЛИСТ"

"ЖУРНАЛИСТ" осмеляет токовую работу печатного органа на широком обмен опытом, печатает руководящие статьи по важнейшим вопросам газетоведения, сообщает о новейших тенденциях и политехнической техники, об иностранной печати, осмеляет новую литературу по вопросам печати. "ЖУРНАЛИСТ" — постоянное и свободное издание по вопросам теории и практики работы каждого работника печати.

Каждый работник печати должен быть подписан в читателем «ЖУРНАЛИСТА»

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

№ 7 "ЛИТЕРАТУРНОГО СОВРЕМЕННОГО"

ЮРИЙ ТЯННОВ. Малолетний Ватусиников. ЕЛЕНА ВЕЩОМОВА. На роостонии (стихи). АЛЕКСАНДР ЕГУНОВ. Главья из книги. В. ТАН-БОРАС. Воскресие пламя, роман (продолжение). ЛЕВ ВАССЕНБЕРГ. Рассказам. ЛЕВ НИТОВУР. Немецкая свобода, роман (окончание). БРОНИСЛАВ КЕЖУН. Стихи.

КРИТИКА ЛЕВ ЛЕВИН. О творчестве Юрия Тяннова. ИСКУССТВО Н. МАРКОВ. Н. А. Рижский-Корсаков и революция 1905 г. БИБЛИОГРАФИЯ И. ТРОИЦКИЙ. Георгий Шторм. Труды и дни Михаила Домоносова. И. В. П. Н. Берков. Козьма Прутков.